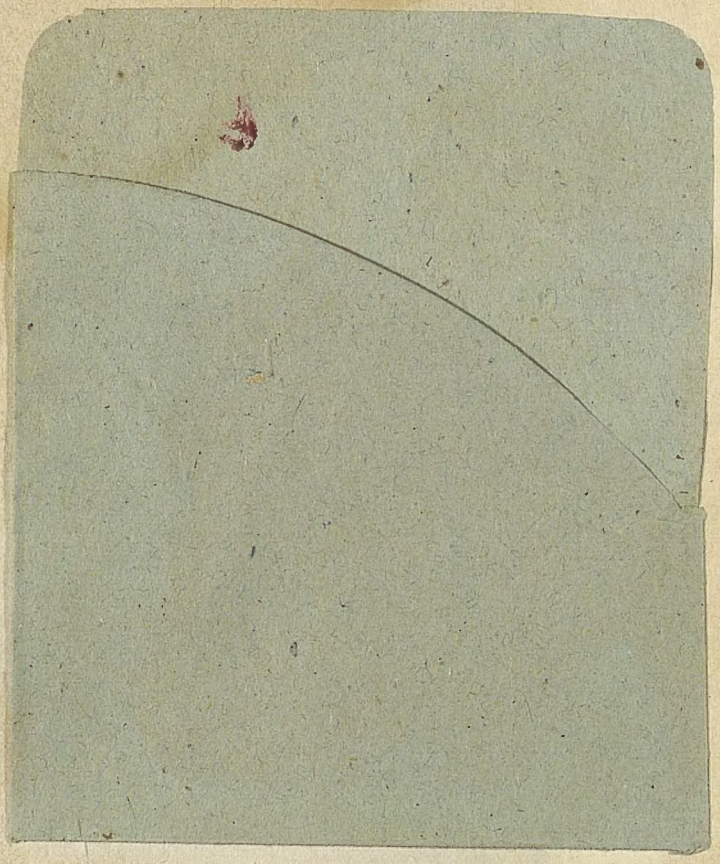
Е 41/572

Зиновьев Г. Е. Интернационал и ...



Рязанское Общество ученых архивов
Отделение
№ 302

Рязанская Губернская Ученая Архивная Библиотека
ПЕЧАТЬ

1-й экз. [illegible] да

Е41 1572

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.
Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10. Тел. 227-42.

Дешевая библіотека. Кн. 43-ая.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ПЕТРОГРАДСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР 198 г.
№ 669
ПЕТРОГРАДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Г. ЗИНОВЬЕВЪ.

Второй Интернаціоналъ и проблема войны.

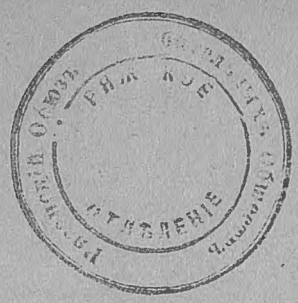
Отказываемся-ли мы отъ наслѣдства?

24442

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ _____ г.
32919-89
И. К. Я.
Кабинет истории
ОН 23/БОШ

Типографія „Научное Дѣло". Петроградъ. Загородный пр., 74.



I. Двѣ эпохи въ жизни 2-го Интернаціонала. Противъ царизма—противъ имперіализма.

Подготовительныя работы по возсозданію 2-го Интернаціонала приходятся на вторую половину 80-ыхъ годовъ. Возрожденіе международной организаціи рабочихъ—послѣ гибели 1-го Интернаціонала—происходитъ, можно сказать, на рубежѣ двухъ эпохъ. Ибо 80-ые годы являются во многихъ отношеніяхъ временемъ перелома—въ 80-ыхъ годахъ зачинается эра новѣйшаго имперіализма, достигающаго своей высшей точки въ первое десятилѣтіе 20-го вѣка.

Самое исторію 2-го Интернаціонала можно подраздѣлить на два періода. 1-ый—отъ парижскаго конгреса 1889 г. приблизительно до Амстердама (1904). Второй лежитъ между Штуттгартомъ и Базелемъ.

Противъ царизма—подъ этимъ знакомъ стоитъ 2-й Интернаціоналъ въ первый періодъ его развитія. *Противъ имперіализма*—таковъ важнѣйшій пароль Интернаціонала во второй періодъ его развитія.

Кто хочетъ понять борьбу направленій и эволюцію взглядовъ 2-го Интернаціонала по вопросу о войнѣ, тотъ долженъ обратиться прежде всего къ Цюрихскому

конгрессу (1893), къ Штуттгартскому съѣзду (1917), къ году Балканской войны (1912—1913) и къ Базельскому конгрессу (1912).

1893, 1907 и 1912—13 г.г.—вотъ важнѣйшія даты для сужденія объ эволюціи взглядовъ 2-го Интернаціонала, Цюрихъ, Штуттгартъ и Базель—вотъ главнѣйшія вѣхи на пройденномъ имъ пути.

Почему въ 1893 году въ Цюрихѣ сталъ вопросъ о войнѣ? Почему Цюрихскій конгрессъ почти весь былъ посвященъ именно этому вопросу?—Потому, что въ 1891—92 г.г. франко-русскій союзъ—т. е. союзъ французской олигархіи съ русскимъ царизмомъ—былъ окончательно оформленъ и казалось, что европейская война надвигается въ самомъ близкомъ будущемъ.

Надо перенестись въ тогдашнюю обстановку, чтобы какъ слѣдуетъ понять смыслъ событій на Цюрихскомъ конгрессѣ.

Начало 90-ыхъ годовъ было рѣшающимъ моментомъ въ исторіи иностранной политики новѣйшаго времени. „Великія“ имперіалистическія державы, начиная съ этого времени, на всѣхъ парахъ ведутъ Европу къ міровой войнѣ.

Оглядываясь назадъ, мы видимъ, что эра современнаго имперіализма началась въ 90-ыхъ и даже 80-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Но не надо забывать, что нашъ теперешній взглядъ основанъ на ретроспективной оцѣнкѣ. Поколѣніе соціалистовъ, дѣйствовавшее въ 80-ыхъ и 90-ыхъ годахъ, не могло оцѣнить только еще намѣчающееся явленіе во всемъ его объемѣ. Теперь, черезъ $3^1/_2$ десятилѣтія, мы видимъ, что само зарожденіе обѣихъ основныхъ группировокъ—тройственнаго союза и тройственнаго согласія и въ особенности, франко-русскаго союза, превратившагося въ тройственное сог-

ласіе — происходило подъ знакомъ перехода къ современному имперіализму. Союзъ Германіи съ Австріей заключенъ былъ въ 1878 году. Въ 1882 году этотъ двойственный союзъ превратился въ—тройственный. Италія присоединилась къ Германіи и Австріи, руководясь чисто имперіалистскими соображеніями (состязаніе между французскими и италъянскими имперіалистами изъ-за Туниса). Но въ моментъ событій подлинный характеръ этой новой группировки, неизбѣжность возникновенія новой имперіалистской контръ-группировки остальныхъ „великихъ" державъ—все это не могло быть ясно. Марксъ умеръ въ 1883 году—т. е. уже послѣ образованія тройственнаго союза. И, однако, даже этотъ геніальный мыслитель, обладавшій особеннымъ даромъ историческаго предвидѣнія, не могъ еще замѣтить приближенія цѣлой новой эры въ развитіи новѣйшаго капитализма—той эры, которую мы теперь называемъ имперіализмомъ.

Даже Энгельсъ, который умеръ черезъ 12 лѣтъ послѣ Маркса, не могъ еще видѣть имперіализма, какъ опредѣленной эпохи, какъ цѣлой стадіи въ развитіи капитализма. 80-ые годы были повторяемъ, переходными годами. Только съ началомъ импералистскихъ войнъ съ ясностью обрисовался характеръ новой эпохи. Первая крупная имперіалистская война новѣйшаго времени имѣла мѣсто въ 1894—5 г.г. (Японія-Китай). А Энгельсъ умеръ въ 1895 году.

Заключеніе франко-русскаго союза не могло не вызвать величайшей тревоги въ лагерѣ революціонныхъ соціалистовъ, въ особенности—среди революціонныхъ с.-д. Германіи. Что означало заключеніе франко-русскаго союза? Оно означало, что французской плутократіи, французской національной реакціи удалось

нанять полчища русскаго царя для проведенія своихъ плановъ въ Европѣ, въ первую голову—для борьбы противъ Германіи. Бисмаркъ въ 1871 году побѣдилъ Наполеона III и аннектировалъ Эльзасъ-Лотарингію. Но до этого Франція вмѣстѣ съ Россіей въ продолженіи долгихъ десятилѣтій угнетали Германію, мѣшая ея національному объединенію. Это угнетеніе оставило неизгладимый слѣдъ въ психологіи нѣмецкаго народа. И совсѣмъ неудивительно, что тогда (въ 1891 году) революціонные соціалисты Германіи серьезно взвѣшивали опасность, которая можетъ проистечь для ихъ страны въ результатѣ франко-русскаго союза.

Это—съ одной стороны. А, съ другой стороны, франко-русскій союзъ одновременно означалъ громадное усиленіе царизма какъ внутри Россіи, такъ и на международной аренѣ. Притокъ французскихъ милліардовъ въ царскую Россію помогалъ монархіи Романовыхъ разрѣшить внутренній кризисъ. И главное—франко-русскій союзъ придавалъ новый блескъ иностранной политикѣ царизма. Онъ въ извѣстной мѣрѣ отдавалъ на службу этой политикѣ французскую республику, ставилъ эту послѣднюю въ зависимость отъ „международнаго жандарма“.

Возникалъ вопросъ—какъ отнестись ко всему этому революціоннымъ соціалистамъ?

Съ давнихъ поръ—еще съ 1848 года—Марксъ считалъ главнымъ врагомъ международной демократіи—Россію. Старая крѣпостная Россія, подавившая венгерскую революцію, потопившая въ крови польское возстаніе, реакціонная Россія, игравшая роль „тюрьмы народовъ“, въ самомъ дѣлѣ и была главнымъ врагомъ демократіи—вплоть до того времени, когда въ самой Россіи народилось массовое революціонное движеніе.

Но къ моменту оформленія франко-русскаго союза въ Россіи массовое рабочее движеніе еще только начиналось. Реакція господствовала безраздѣльно. Начало 90-ыхъ годовъ совпадаетъ съ золотыми деньками режима Александра III. Романовы и Побѣдоносцевы прочно сидѣли на спинѣ Россіи, наслаждаясь покоемъ кладбища. Подъ пятой реакціеи находилась вся страна Въ такое время самодержавная Россія, заключившая союзъ съ денежными королями богатѣйшей западно-европейской „демократіи", дѣйствительно должна была считаться самой большой опасностью для соціализма.

Германская соціалъ-демократія представляла собой въ то время уже довольно значительную силу. Число ея избирателей превышало милліонъ. Какую-же позицію занять германскому соціализму передъ лицомъ той новой опасности, которую представляютъ собою франко-русскій союзъ, создавшій совершенно новую международно-политическую обстановку? Этотъ вопросъ сталъ передъ Фр. Энгельсомъ, сталъ передъ всѣми революціонными соціалистами незадолго до Цюрихскаго конгресса 2-го Интернаціонала.

Двѣ работы Фр. Энгельса „Соціализмъ и Германія" и „Иностранная политика царизма" написано приблизительно въ это время и связаны единствомъ содержанія.

Энгельсъ продолжаетъ видѣть именно въ царизмѣ оплотъ всеевропейской реакціи, главный устой контръ-революціи. Онъ вѣритъ въ близость большихъ революціонныхъ битвъ на Западѣ и не сомнѣвается въ томъ, что передъ угрозой пролетарской революціи всѣ европейскія правительства—не исключая Германіи—бросятся въ объятія царизма, какъ единственнаго возможнаго спасителя „порядка",

— „Несмотря на всѣ тяжбы съ царемъ по поводу Константинополя и т. д,, могутъ наступить моменты, когда реакціонныя европейскія правительства выбросятъ царизму и Константинополь, и Босфоръ, и Дарданеллы и все вообще, что онъ пожелаетъ—только-бы онъ защитилъ ихъ противъ революціи". Такъ пишетъ Энгельсъ въ статьѣ „Иностранная политика царизма".

Что-же, однако будетъ, если европейской революціи не произойдетъ, а, вмѣсто этого, Россія въ союзѣ въ Франціей нападутъ на Германію? Какъ отразится это на судьбахъ германскаго соціалистическаго движенія?

— „Съ увѣренностью можно сказать одно"—замѣчаетъ по этому поводу Энгельсъ. „Ни русскій царизмъ, ни французская республика, ни само германское правительство не упустятъ такого прекраснаго случая, чтобы задушить единственную партію, которая для всѣхъ троихъ является главнымъ врагомъ". т. е. соціалъ-демократію—(„Соціализмъ въ Германіи").

Такъ что-же тогда дѣлать германскому пролетаріату, германской соціалъ-демократіи? Защищать прусскихъ юнкеровъ, поддержать „свое" правительство? Нѣтъ, это недопустимо! Молча смотрѣть, какъ войска русскаго царя и французской буржуазіи ворвутся въ Германію? Нѣтъ, для соціалистовъ не допустимо и это. Энгельсъ предлагаетъ нѣчто совсѣмъ другое: германскій пролетаріатъ долженъ свергнуть свое правительство, повести революціонную войну противъ царизма и соединиться съ французскими рабочими для общей борьбы.

— „Война, во время которой русскіе и французы вторгаются въ Германію, такая борьба станетъ для Германіи борьбой не на животъ, а на смерть. Въ этой

а можетъ обезпечить свое національное суще-

ствованіе только посредствомъ примѣненія самыхъ революціонныхъ мѣръ... У насъ есть сильная партія... Это с.-д. партія. И мы не забыли того великаго примѣра, который показала намъ Франція въ 1793 году. 100-лѣтній юбилей 1793 года совсѣмъ уже близокъ"... Надо показать, что „нынѣшніе нѣмецкіе пролетаріи не уступаютъ санкюлотамъ, жившимъ 100 лѣтъ назадъ, надо показать, что 1893 годъ можетъ помѣряться съ 1792 годомъ".

Германскіе соціалъ-шовинисты теперь часто „ссылаются" на эти слова Энгельса, утверждая, что они въ 1914 году поступили именно такъ, какъ совѣтовалъ Энгельсъ въ началѣ 90-ыхъ годовъ. Но это—простое... втираніе очковъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что нынѣшняя война есть совсѣмъ не та война, которую имѣлъ тогда въ виду Энгельсъ. Мы спрашиваемъ только: почему-же германскіе соціалъ-шовинисты не свергли своего правительства, почему не прибѣгли они къ „самымъ революціоннымъ мѣрамъ"? Небольшая мелочь отдѣляетъ ихъ отъ Энгельса. Онъ говорилъ о революціонной войнѣ. Они поддерживаютъ контръ-революціонную войну. Онъ говорилъ о методѣ санкюлотовъ, т. е.—величайшихъ революціонеровъ своего времени. Они поступаютъ по методу имперіалистовъ, т. е.—злѣйшихъ реак о еровъ своего времени [1]).

---

[1]) Тож на сказать объ аллюрахъ французскихъ соціалъ-шовинистовъ , Самба, Эрве не прочь изображать дѣло такъ-будто они т менно и дѣйствуютъ теперь въ духѣ 1793 года. Но такое утвержденіе есть циничное издѣвательство надъ истиной. Лизать окрова енную руку Николая 2-го (визитъ Альбера Тома), сидѣть залож ками въ министерствѣ французской плутократіи—не значитъ д ствовать въ духѣ 1793 года. Французскій имперіалистъ графъ е-Фельзъ былъ совершенно правъ, когда назвалъ

— „По отношенію къ германской имперіи французская республика можетъ при извѣстныхъ условіяхъ представлять буржуазную революцію—писалъ Энгельсъ. Но по отношенію къ республикѣ Констана, Рувье или даже Клемансо, а въ особенности по отношенію къ республикѣ, находящейся въ услуженіи у царя,—нѣмецкій соціализмъ безусловно представляетъ пролетарскую революцію“.

Выводъ ясенъ. Когда германскій пролетаріатъ низвергнетъ германское правительство и станетъ у власти, тогда въ войнѣ противъ реакціоннаго франко-русскаго союза онъ будетъ представлять пролетарскую революцію. Онъ объявитъ революціонную войну и царизму и республикѣ Рувье—во имя пролетарской революціи. Онъ перенесетъ революціонную пропаганду и во Францію, дѣйствуя по методу 1793 года. Онъ спасетъ Германію отъ разгрома со стороны войскъ царя и буржуазной республики. Но только-послѣ того, какъ спасетъ ее отъ собственныхъ юнкеровъ и буржуазіи, послѣ того какъ прибѣгнетъ къ „самымъ революціоннымъ“ мѣрамъ внутри страны.

Говоря такъ, Энгельсъ несомнѣнно продолжалъ—при новой обстановкѣ—традицію Маркса, традицію „Новой Рейнской Газеты“, звавшей въ 1848 году къ революціонной борьбѣ противъ царизма.

И такихъ же взглядовъ придерживались тогда лучшіе элементы германской соціалъ-демократіи. Напримѣръ—Авг. Бебель и Вильг. Либкнехтъ.

Извѣстно, что въ томъ-же 1891 году германскій

„шедевромъ“ буржуазной политики пріемъ французскихъ имперіалистовъ, заставившихъ „оппозицію“ (Гэда, Самба и др.) сидѣть въ министерствѣ и нести отвѣтственность за нынѣшнюю войну..

оппортунистъ Фольмаръ выступилъ уже съ вполнѣ законченной программой соціалъ-шовинизма. Мы имѣемъ въ виду его нашумѣвшія рѣчи, произнесенныя въ Мюнхенѣ въ іюнѣ и іюлѣ 1891 года [1]). Въ этихъ рѣчахъ Фольмаръ заявилъ открыто, что „мы (германскіе с.-д.) должны поддержать тройственный союзъ", что „какъ только наша страна подверглась-бы нападенію, въ Германіи будетъ только одна партія, и мы соціалъ-демократы будемъ не послѣдними въ исполненіи долга".

Бебель и Либкнехтъ рѣшительно ополчились противъ Фольмара и на Эрфуртскомъ партейтагѣ характеризовали его политику, какъ „націоналъ либеральную" [2]).

Энгельса и Бебеля Фольмаръ тогда обвинилъ въ томъ, будто они „призываютъ" войну, пропагандируютъ войну, хотятъ войны. „Когда кто-нибудь непрестанно пропагандируетъ низбѣжность войны и каждый разъ добавляетъ, что эта война будетъ послѣдней на землѣ, что въ этой войнѣ совершится освобожденіе человѣчества отъ всѣхъ страданій и горестей,—тогда онъ неизбѣжно вызываетъ предположеніе, что онъ желаетъ этой войны" [3]). Такъ интерпретировалъ Фольмаръ идею революціонной войны противъ царизма, которую защищали Энгельсъ и Бебель.

— „Такимъ путемъ приходятъ къ націоналъ-либеральному соціализму, это означало-бы ввести націоналъ-либеральную тактику въ с. д. партіи", — отвѣчаетъ

---

[1]) Georg von Vollmar. Uber die nächtsen Aufgaben der deutschen Sozialdemokratie, zwei Reden, gehalten am I Juni und 6 Juli 1891 im «Eldorado» zu München. München 1891. E. Ernst.

[2]) См. протоколы Эрфуртскаго партейтага 1891 г.. стр. 173 207, 210.

[3]) Ibid. 185, 137.

Фольмару Бебель... „Это неправда, будто я (Бебель)-и Либкнехтъ заняли въ вопросѣ о дружественномъ союзѣ такую-же позицію, какъ Фольмаръ... Въ вопросѣ объ оцѣнкѣ европейскаго положенія между мной и Энгельсомъ, какъ доказываетъ наша усердная переписка, господствуетъ почти изумительное единодушіе [1])...

Такова была позиція не только революціонныхъ с. д. Германіи, но—что въ данномъ случаѣ особенно важно—также и революціонныхъ с.-д. Россіи. Плехановъ, тогдашній представитель русской революціонной соціалъ-демократіи, выступилъ на Цюрихскомъ конгрессѣ оффиціальнымъ докладчикомъ. И въ своей рѣчи онъ сказалъ буквально слѣдующее:

„Когда германская армія перейдетъ нашу (русскую) границу, она явится къ намъ, какъ освободительница, какъ французы временъ Конвента 100 лѣтъ тому назадъ пришли въ Германію, чтобы побѣдивши королей, принести народу свободу.

„Намъ говорятъ, что русская опасность вовсе не такъ велика. Но развѣ вы забыли, что русскій царизмъ объединился съ вашей (обращаясь къ французамъ) буржуазіей, что онъ — душитель Польши!! Какъ-же это Франція можетъ забыть свое революціонное прошлое?..

„Русской опасности не существуетъ! Но спросите-ка у делегата изъ Венгріи, Болгаріи, Сербіи, какая опасность угрожаетъ имъ со стороны русскаго царизма! „Чѣмъ больше наши нѣмецкіе друзья нападаютъ на русскій царизмъ, тѣмъ больше мы благодарны имъ. Браво, друзья мои, разбейте его на голову тяните его на скамью подсудимыхъ какъ можно

275, 283.

чаще, бейте его всѣми средствами, какія только имѣются въ вашемъ распоряженіи [1]).

Мы видимъ, что Плехановъ въ 1883 году ставитъ вопросъ такъ-же, какъ Энгельсъ, съ которымъ тогда вполнѣ солидаризировался Бебель. Плехановъ, разумѣется, говорилъ тогда тоже о революціонной войнѣ революціонной Германіи противъ самодержавной Россіи. *Противъ царизма*! По этому лозунгу равнялась вся революціонная международная соціалъ-демократія въ 1893 году, по этому критерію оріентировался тогда Интернаціоналъ.

Мы привели въ своемъ родѣ—„пораженческія" заявленія Плеханова на Цюрихскомъ конгрессѣ не для того, чтобы скомпрометтировать его передъ его нынѣшними друзьями—Меньшиковымъ, Струве, Тихоміровымъ. Мы привели ихъ также не для того, что-бы сказать, что они, взятыя буквально, вѣрны и теперь. Въ 1914 году ни одинъ революціонный соціалистъ Россіи не могъ-бы повторить такого приглашенія по адресу нѣмцевъ. Ни въ Штуттгартѣ (1907), ни въ Базелѣ (1912) никто изъ русскихъ соціалистовъ съ подобными призывами къ нѣмцамъ не обращался. Россія, которая пережила 1905 годъ,—совсѣмъ не та Россія, какой она была въ 1893 году. Передъ самымъ началомъ войны 1914 года Петербургъ вновь уже видѣлъ баррикады, воздвигнутыя революціоннымъ пролетаріатомъ столицы. Съ другой стороны, въ современной Германіи нельзя аппелировать къ 1793-му году. Въ нынѣшней Германіи нужно говорить о новомъ 1871 годѣ, Въ 1907, 1912, 1914 г. г. это было уже невозможно. Теперь лозунгомъ Интернаціонала должно было стать

[1]) Протоколы Цюрихскаго международнаго конгресса 1893, нѣм. изд. стр. 30.

о возстаніи типа парижской Коммуны, о пролетарской революціи подъ знаменемъ сверженія буржуазіи и учрежденіи соціалистическаго режима. Если бы германскій пролетаріатъ въ началѣ войны 1914 г. свергъ юнкеровъ и буржуазію, если-бы онъ революціоннымъ путемъ тутъ-же осуществилъ рядъ соціалистическихъ мѣръ— только въ этомъ случаѣ онъ могъ-бы „на штыкахъ" понести свободу и соціализмъ въ другія страны. Правительство германскаго пролетаріата должно было-бы тогда предложить противникамъ Германіи немедленный миръ. И еслибы этотъ миръ не былъ принятъ, рабочій классъ Германіи долженъ былъ-бы повести войну противъ господствующихъ классовъ данныхъ странъ— войну, которая могла-бы быть въ стратегическомъ смыслѣ наступательной, но которая въ историческомъ смыслѣ была-бы оборонительной справедливой войной. И только тогда русскіе, французскіе, англійскіе пролетаріи могли-бы словами Плеханова (въ 1893 году) сказать, обращаясь къ нѣмецкимъ пролетаріямъ: „когда германская армія (т. е. революціоннная армія, армія, выступающая подъ знаменами Либкнехтовъ, а не Гогенцоллерновъ) перейдетъ нашу границу, она явится къ намъ, какъ освободительница".

То обстоятельство, что Плехановъ могъ на Цюрихскомъ конгрессѣ въ 1893 г. при общемъ сочувствіи соціалистовъ всѣхъ странъ произнести такую рѣчь,— характеризуетъ опредѣленный моментъ въ исторіи международнаго соціализма. Тогда *царизмъ* былъ главнымъ врагомъ. Тогда весь Интернаціоналъ могъ объединиться подъ единымъ лозунгомъ: противъ царизма не только противъ царизма, но прежде всего—*противъ имперіализма!*

Въ теченіе шести десятилѣтій лучшіе революціонеры Германіи пропагандировали среди нѣмецкаго народа справедливую ненависть къ царизму. Еще со временъ марксовой „Новой Рейнской Газеты“ призывъ „противъ царизма“ не перестаетъ звучать въ ушахъ германскихъ рабочихъ. И вотъ теперь, когда возникла война 1914 года, германскіе соціалъ-шовинисты, перешедшіе на сторону имперіализма, сознательно поэксплуатировали эту революціонную ненависть германскихъ пролетаріевъ къ кровавому царизму. Они цинично использовали старый лозунгъ „противъ царизма“ для того, чтобы подъ его прикрытіемъ заставить германскихъ рабочихъ проливать свою кровь за интересы германскаго имперіализма. Изъ революціонныхъ борцовъ противъ царизма бывшіе германскіе с.-д. выродились теперь въ защитниковъ «своего» имперіализма. Но ихъ друго - враги изъ русско-англо-французскаго лагеря въ долгу передъ ними не остались. Изъ бывшихъ революціонныхъ борцовъ противъ царизма они, въ свою очередь, превратились въ реакціонныхъ защитниковъ царизма. И во главѣ ихъ—тотъ самый Плехановъ, который въ 1893 году звалъ нѣмцевъ принести на своихъ штыкахъ свободу, Россіи, а въ 1914 году объявилъ, что царь ведетъ „необходимую справедливую войну“ и что „то, чего Россія требовала для Сербіи, почти совсѣмъ совпадало съ требованіями соціаль-демократическаго Интернаціонала“. (Сборникъ „Война“, 19, 25, 31)!

Таковъ путь, пройденный опредѣленной частью 2-го Интернаціонала за 20 лѣтъ—отъ 1892 до 1914 года.

Революціонная соціалъ-демократія Россіи теперь не приглашаетъ нѣмцевъ на германскихъ штыкахъ принести намъ свободу. Теперь революціонный пролета-

ріатъ Россіи самъ является крупнѣйшимъ факторомъ назрѣвающей европейской революціи [1]). Теперь мы отъ имени нашей партіи писали въ октябрѣ 1915 года слѣдующія слова:

— „На вопросъ, что бы сдѣлала партія пролетаріата, еслибы революція поставила ее у власти въ теперешней войнѣ, мы отвѣчаемъ: мы предложили бы миръ всѣмъ воюющимъ на условіи освобожденія колоній и всѣхъ зависимыхъ, угнетенныхъ и неполноправныхъ народовъ. Ни Германія, ни Англія съ Франціей не приняли-бы, при теперешнихъ правительствахъ ихъ, этого условія. Тогда мы должны были-бы подготовить и повести революціонную войну, т. е. не только полностью провели-бы самыми рѣшительными мѣрами всю нашу программу-минимумъ, но и систематически стали-бы поднимать на возстаніе всѣ ...колоніи и зависимыя страны Азіи..., а также—и въ первую голову—поднимали-бы на возстаніе соціалистическій пролетаріатъ Европы“ (С.-Д.“, № 47 „Нѣсколько тезисовъ“—отъ редакціи).

Mutatis mutandis—такъ должны были сказать и германскіе революціонные с.-д. Германіи въ началѣ войны. Это было-бы подлиннымъ примѣненіемъ взглядовъ Энгельса къ измѣнившимся обстоятельствамъ.

Представитель революцоінныхъ с.-д. Германіи, товарищъ Юніусъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ:

— „Энгельсъ, когда онъ писалъ (приведенныя нами выше его строки) имѣлъ въ виду совершенно иную ситуацію, нежели нынѣшняя. Передъ нимъ была еще старая царская Россія... Онъ, далѣе, имѣлъ въ виду подлинно-національную оборонительную войну подверг-

---

[1]) Писано въ 1916 году. Г. З.

шейся нападенію Германіи противъ двухъ одновременныхъ ударовъ... Онъ, наконецъ, переоцѣнилъ зрѣлость условій въ Германіи и виды на соціальную революцію... Но при всемъ томъ, что совершенно ясно изъ словъ Энгельса—такъ это то, что подъ національной защитой въ смыслѣ с.-д. политик[illegible] понималъ не поддержку юнкерско-прусскаго милитарнаго режима и его генеральнаго штаба, а—революціонное дѣйствіе по образцу французскихъ якобинцевъ" [1]).

Юніусъ дѣлаетъ ошибк[illegible] огда онъ дальше говоритъ, что въ 1914 году революціонной программой войны германскіе с.-д. должны были выставить „національную программу патріотовъ и демократовъ 1848 года, Маркса, Энгельса, Лассаля: выдвинуть лозунгъ единой германской республики". Это невѣрно, ибо—теперь единой республикой нельзя было ограничиться, а надо было открыто написать на своемъ знамени: соціализмъ, соціалистическій переворотъ. Юніусъ злоупотребляетъ терминологіей прошлаго, когда говоритъ, что „это было знамя..., которо являлось дѣйствительно національнымъ» (88). Въ этой терминологіи Юніуса намъ слышатся послѣдніе слабые отзвуки той постановки вопроса, которая была понятна въ 1891—1893 годахъ и которую, однако, нельзя просто повторить теперь.

Но тѣмъ не менѣе подлинными продолжателями дѣла Энгельса въ Германіи являются именно тов. Юніусъ, Либкнехтъ, Роза Люксембургъ, Мерингъ. Они продолжаютъ—при новой обстановкѣ—защищать ту-же революціонную тактику, которую защищали ортодоксальные марксисты въ 1893 году на Цюрихскомъ конгрессѣ—такъ-же, какъ, при новыхъ условіяхъ, наша партія за-

---

[1]) «Die Krise der S.-D-tie» von Junius, 1916, стр. 87—88.

щищаетъ эту тактику на русской почвѣ. Кто умѣетъ думать, тотъ увидитъ, что, борясь противъ оппортунизма 2-го Интернаціонала, мы не вычеркиваемъ всей его исторіи, не объявляемъ простымъ недоразумѣніемъ всего 25-лѣтія его дѣятельности. Мы вскрываемъ, что во 2-мъ Интернаціоналѣ всегда было два теченія, что къ концу 2-го Интернаціонала верхъ взялъ въ немъ оппортунизмъ, который и привелъ къ краху даннаго Интернаціонала. И мы продолжаемъ работу марксистскаго крыла его—только при новой обстановкѣ...

II. Война и всеобщая стачка.

Вопросъ о борьбѣ противъ новообразовавшагося франко-русскаго союза, царистская опасность, необходимость международнаго отпора кровавому царизму—все это опредѣлило одну сторону преній на Цюрихскомъ конгрессѣ. Другой вопросъ заключался въ томъ, какъ бороться противъ надвигающейся войны? И здѣсь-то прежде всего возникъ вопросъ о всеобщей стачкѣ: вопросъ о томъ, достигло-ли рабочее движеніе въ важнѣйшихъ странахъ того уровня, когда соціалисты смогли-бы предотвратить войну путемъ примѣненія всеобщей стачки.

Вопросъ этотъ ставился въ Цюрихѣ именно съ этой чисто практической точки зрѣнія. Это—очень важно замѣтить. Принципіальные предразсудки противъ всеобщей стачки, навѣянные анархистскими извращеніями самой идеи стачки, разумѣется, тоже давали себя знать. Но когда отвлекаешься отъ нихъ, когда внимательно вчитываешься въ доводы главныхъ ораторовъ на этомъ конгрессѣ, то ясно видишь, что уже въ 1893 году во-

просъ о массовой революціонной стачкѣ для лучшей части соціалистовъ былъ главнымъ образомъ вопросомъ осуществимости при данной силѣ рабочихъ партій. Эта часть соціалистовъ не объявляла массовую революціонную стачку „анархизмомъ", не боролась противъ нея указаніемъ на необходимость для соціалистовъ во всякой войнѣ „защищать отечество". Эти с.-д. спрашивали себя только: достаточно-ли мы сильны чтобы уже сейчасъ прибѣгнуть къ открытой массовой революціонной борьбѣ.

Въ комиссію цюрихскаго конгресса внесено было двѣ резолюціи. Одна голландцами, съ извѣстнымъ Домелой Ньювенгуисомъ во главѣ. Другая—нѣмцами, съ Бебелемъ и В. Либкнехтомъ во главѣ.

Проектъ голландцевъ въ его окончательномъ видѣ гласилъ:

— „Принимая во вниманіе, что пролетаріатъ ни въ какомъ случаѣ не заинтересованъ въ національныхъ противорѣчіяхъ и что, наоборотъ, въ нихъ заинтересованы только его угнетатели;

Что всѣ современныя войны вызываются исключительно классомъ капиталистовъ въ его собственныхъ интересахъ, служа для него средствомъ сломить революціонное движеніе и укрѣпить господство буржуазіи на основѣ самой безстыдной эксплуатаціи;

Что ни одно правительство не можетъ оправдаться тѣмъ, будто его провоцировали на войну—ибо на дѣлѣ война является результатомъ интернаціональной воли капитализма;—

Конгресъ заявляетъ, что рабочіе-соціалисты втянутыхъ въ войну странъ должны на объявленіе войны правительствами отвѣчать отказомъ запасныхъ явиться на военную службу (военная стачка), всеобщей стачкой

въ особенности въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя связаны съ войной, и призывомъ къ женщинамъ, чтобы онѣ удерживали дома своихъ мужей и сыновей".

Съ другой стороны, проектъ нѣмцевъ былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ:

— „Отношеніе рабочихъ къ войнѣ ясно очерчено въ резолюціи Брюссельскаго конгресса о милитаризмѣ. Интернаціональная революціонная с.-д-тія должна всѣми силами бороться во всѣхъ странахъ противъ шовинистскихъ аппетитовъ правящихъ классовъ. Она должна добиваться того, чтобы узы солидарности между рабочими всѣхъ странъ становились все тѣснѣе, она должна неустанно бороться за уничтоженіе капитализма, который раздѣлилъ человѣчество на два военныхъ лагеря и который натравливаетъ народы другъ противъ друга. Съ уничтоженіемъ классоваго господства исчезаетъ и война. Низверженіе капитализма означаетъ установленіе мира на землѣ".

Всѣ пренія на конгрессѣ велись вокругъ резолюціи Ньювенгуиса. Нѣмцы въ своемъ проектѣ высказали общепризванныя истины. Новшества предлагалъ только Ньювенгуисъ.

Въ его постановкѣ вопроса несомнѣнно было много элементовъ упрощеннаго анархизма. Безжизнено и абстрактно звучали его доводы, когда онъ — какъ впослѣдствіи и Эрве, когда онъ былъ еще „эрвеистомъ" — утверждалъ, будто рабочимъ все равно—будетъ-ли принадлежать Франція Германіи, или Германія Франціи. Часть его практическихъ предложеній не выдерживала никакой критики и съ точки зрѣнія простой цѣлесообразности. Для проведенія его собственнаго плана было невыгодно, чтобы запасные отказались явиться на военную службу, ибо это значило лишить армію самыхъ

сознательныхъ элементовъ, оставить не-вооруженными самыхъ рѣшительныхъ народныхъ борцовъ. На соціалистическую революцію онъ высказывалъ наивно-дѣтскіе взгляды.

Какими-же доводами возражали марксисты Ньювенгуису на Цюрихскомъ конгрессѣ? Выдвигали теорію „защиты отечества“ во всякой войнѣ — какъ это дѣлаютъ теперь соціалъ-шовинисты? Отстаивали политику „гражданскаго мира“ во время войны? Говорили (какъ Каутскій въ 1915 году), что во время войны классовая борьба должна прекратиться и с.-д. должны дѣйствовать по формулѣ: „борьба за миръ, классовая борьба — во время мира“?

Ничего подобнаго!

Всѣ марксисты, какъ уже замѣтили, возражали главнымъ образомъ съ точки зрѣнія практической осуществимости при данномъ состояніи рабочаго движенія (въ 1893 году).

Плехановъ выступалъ докладчикомъ отъ имени комиссіи конгресса. „Основанія, которыя привели къ отклоненію резолюціи голландцевъ, слѣдующія: всеобщая стачка неосуществима на почвѣ современнаго общества, ибо у пролетаріата нѣтъ средствъ для этого — говорилъ Плехановъ. Съ другой стороны, еслибы мы были въ состояніи провести всеобщую стачку, это значило-бы, что экономическая власть находится уже въ рукахъ пролетаріата, и тогда всеобщая стачка была бы смѣшной ненужностью (eine lächerliche Plattheit)“.[1])

Изъ этого основного заявленія Плеханова — какъ и изъ дальнѣйшихъ преній — сразу становится ясно, какую большую роль въ тогдашнихъ спорахъ о борьбѣ

---

[1]) Протоколы Цюр. Конгр. 1893, 20.

противъ войны играло отношеніе къ всеобщей стачкѣ вообще.

Извѣстно, что отношеніе 2-го Интернаціонала къ проблемѣ всеобщей стачки пережило большую эволюцію. Было время, когда 2-ой Интернаціоналъ ошибочно отвергалъ ее въ принципѣ, когда почти вся международная соціаль-демократія стояла на точкѣ зрѣнія, выраженной въ знаменитомъ изреченіи оппортуниста Ауэра? „Generallstreik ist Generallunsinn“ (всеобщая стачка — всеобщая нелѣпость). Невѣрная постановка этого вопроса анархистами, ихъ легкомысленная „революціонная“ фразеологія, ихъ абсолютно фальшивое противопостановленіе всеобщей стачки политической борьбѣ (въ томъ числѣ — парламентаризму), ихъ дѣтскій взглядъ на всеобщую стачку, какъ на всеспасающее средство, ведущее однимъ ударомъ къ соціализму — все это только усиливало предразсудки по отношенію къ всеобщей стачкѣ въ средѣ международной соціалъ-демократіи. Но главнымъ источникомъ отрицательнаго отношенія къ ней все-таки была сравнительная еще слабость рабочаго движенія къ главнѣйшихъ странахъ. Понадобилось еще много лѣтъ, чтобы дѣло измѣнилось къ лучшему. Уже на Амстердамскомъ конгресѣ (1904 г.) намѣчается новое отношеніе международной соціальдемократіи къ вопросу о всеобщей (или массовой) стачкѣ. На Штуттгартскомъ конгрессѣ (1907 г.) это становится еще яснѣе. Между Амстердамомъ и Штуттгартомъ лежитъ русская революція. Въ 1905 году всей міровой соціаль-демократіи было на опытѣ показано, „какъ это дѣлается“. Въ 1906 году на партейтагѣ въ Іенѣ идея массовой политической стачки одерживаетъ крупнѣйшую побѣду. По докладу Бебеля германская соціальдемократія, которая

больше всѣхъ сопротивлялась идеѣ всеобщей стачки, включаетъ ее въ свой тактическій арсеналъ.[1])

Международная соціаль-демократія, конечно, очистила идею всеобщей стачки отъ наросшихъ на ней анархическихъ извращеній. Она приняла массовую стачку, какъ орудіе политической борьбы, а не какъ нѣчто, исключающее „политику". Она усыновила ее какъ одно изъ средствъ пролетарской борьбы—наряду съ болѣе острыми (возстаніе) и менѣе острыми (избирательный бюллетень) средствами. Но — она приняла ее. И это не могло не наложить новаго отпечатка на послѣдующее отношеніе международной соціаль-демократіи къ борьбѣ противъ войны.

Нынѣшнихъ интернаціоналистовъ, „не пріемлющихъ" войны 1914-16 г. г. — Карла Либкнехта въ Германіи, большевиковъ въ Россіи — теперь частенько для полемическихъ цѣлей сравниваютъ съ Домелой Ньювенгуисомъ и Эрве „старой манеры". Плохой полемическій пріемъ! Сходства нѣтъ даже внѣшняго. Позиція нынѣшнихъ интернаціоналистовъ такъ-же мало похожа на позицію Ньювенгуиса и „старой манеры". Эрве, какъ отношеніе Интернаціонала послѣ революціи 1905 г. къ массовой политической стачкѣ похоже на старомодное отношеніе анархистовъ къ всеобщей стачкѣ. Не больше того...

Но — вернемся къ интересующимъ насъ преніямъ на Цюрихскомъ конгрессѣ.

Мы сказали, что доводомъ противниковъ Ньювенгуиса было указаніе не на то, что всякій соціалистъ

---

[1]) Что—замѣтимъ тутъ-же—не помѣшало германской соц.-дем. очень скоро свести это свое рѣшеніе на нѣтъ — главнымъ образомъ, подъ натискомъ оппортунистскихъ вождей профессіональныхъ союзовъ.

всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ обязанъ защищать отечество, а — указаніе на практическую неосуществимость его плана, въ виду недостатка силъ у передовыхъ рабочихъ.

Первый-же ораторъ послѣ Ньювенгуиса началъ именно съ этого. „Голландское предложеніе неосуществимо, поэтому мы противъ него“ — заявляетъ венгерскій делегатъ Залкаи (24). И эта-же нота повторяется буквально во всѣхъ рѣчахъ. Вильгельмъ Либкнехтъ въ своей рѣчи говоритъ: „Уже венгерскій делегатъ сказалъ, что онъ голосовалъ-бы за голландское предложеніе, если-бы оно было осуществимо... Если бы с.-д. партія въ Европѣ и во всемъ мірѣ была въ силахъ провести такую стачку, тогда въ Европѣ господствовали-бы такіе порядки, при которыхъ никакая война была-бы невозможна. Такъ далеко мы еще не добрались. Мы много работали въ потѣ лица, много борцовъ пожертвовало жизнью, но мы далеко еще не у цѣли, самая трудная задача еще впереди“. (24). Викторъ Адлеръ заявляетъ, что предложенія голландцевъ „неосуществимы“, что „мы не хотимъ переоцѣнивать свои собственныя силы и недоцѣнивать силы противника“. Обращаясь къ голландцамъ, онъ замѣчаетъ: „Вы можете считать насъ плохими революціонерами, но когда придетъ время, когда наступитъ рѣшающій моментъ, тогда видно будетъ, кто готовъ дѣйствовать... Насъ, соціалистовъ, не можетъ уничтожить никто — кромѣ насъ самихъ“ (25, 26) [1])

---

[1]) Послѣднія слова Адлера можно считать въ извѣстномъ смыслѣ пророческами словами. Вотъ именно: соціалистовъ никто не можетъ уничтожить — кромѣ нихъ самихъ. Въ 1893 г. Адлеръ боялся, что слишкомъ преждевременное выступленіе соціалистовъ можетъ послужить къ ихъ самоуничтоженію. Прошло 1/ вѣка

Отъ имени англичанъ Авелингъ при апплодисментахъ конгресса говоритъ: «Съ ходомъ мыслей въ голландской резолюціи англичане согласны, съ этимъ мы всѣ здѣсь согласны. Дѣло идетъ о формѣ проведенія“ (27).

Эритье отъ имени швейцарцевъ заявляетъ: „Я также симпатизирую духу голландской резолюціи, но я признаю ея неосуществимость“ (27.)

Турати отъ имени итальянскихъ соціалистовъ говоритъ: „Голландская резолюція проникнута благородствомъ, но ея проведеніе въ жизнь нынѣ неосуществимо. Мы должны были бы отодвинуть ея осуществленіе до того дня, когда у насъ будетъ власть, а тогда она была-бы ненужна“. Теперь „всеобщая стачка превратилась-бы во все общій разстрѣлъ“.

Важнѣйшій доводъ Плеханова (докладчикъ) противъ военной стачки—тоже чисто практическій, обусловленный состояніемъ международнаго рабочаго движенія въ данный моментъ: «Военная стачка въ первую очередь обезоружила-бы какъ разъ культурные народы и выдала-бы съ головой западную Европу русскимъ казакамъ. Русскій деспотизмъ снесъ-бы всю нашу культуру, и на мѣсто пролетарской свободы, блестящимъ выраженіемъ которой должна была послужить военная стачка, воцарился-бы русскій кнутъ“. [1])

Четверть вѣка тому назадъ положеніе было такое, что

С.-д-тія выросла въ партію милліонныхъ массъ. Наступилъ «рѣшающій моментъ», и оказалось, что 2-ой Интернаціоналъ погубило, наоборотъ, отсутствіе всякаго выступленія... Уничтожить, или на долго ослабить соціализмъ не можетъ буржуазія, не могутъ правительства, это смогли сдѣлать только Шейдеманы, Зюдекумы Вандервельды, Ренодели, Гайндманы, Легины, Плехановы.

[1]) Протоколы 21.

подобныя соображенія имѣли значеніе. Слишкомъ различно было положеніе вещей въ отдѣльныхъ странахъ. Слишкомъ различенъ былъ уровень рабочаго движенія въ разныхъ государствахъ. Въ Россіи рабочее движеніе еще только начиналось. Тогда можно было такъ мотивировать.

Совершенно такъ-же ставилъ дѣло и Жюль Гэдъ, который тогда несомнѣнно былъ революціоннымъ марксистомъ, пропагандистомъ идей марксизма на французской почвѣ.

Уже непосредственно послѣ Брюссельскаго конгресса, который предшествовалъ Цюрихскому съѣзду и на которомъ голландецъ Ньювенгуисъ выступилъ съ тѣмъже предложеніемъ, Жюль Гэдъ пишетъ: — „Всеобщая стачка, которую предложили голландцы (тѣ самые голландцы, которые сознались, что сами они не смогли организовать даже частичную стачку въ день 1-го мая), была-бы — если бы она была реализуема — величайшимъ преступленіемъ противъ соціализма. Ибо стачка эта, которая неизбѣжно захватила-бы только страны съ сильной соціалистической партіей, выдалабы ихъ съ головой такимъ странамъ, какъ Россія, гдѣ соціалистическую партію нужно еще только создать и гдѣ, слѣдовательно, никакая стачка не можетъ помѣшать военной мобилизаціи и наступательнымъ дѣйствіямъ царской арміи“.

„Обезоружить соціалистическій Западъ противъ азіатскаго варварства—таковъ былъ-бы неизбѣжный результатъ анархической тактики Домелы. Вотъ почему—и исключительно поэтому—эта тактика была отвергнута“ [1])

---

[1]) «Le Socialiste» 26 aout 1891. Перепечатано въ „En Garde“ aris. 1911., ст. 99.

Съ полной ясностью мы видимъ изъ этихъ словъ Гэда, какъ лозунгъ „противъ царизма“ опредѣлялъ въ ту пору всю международную тактику революціонныхъ марксистовъ. „Исключительно поэтому“—это буквальное выраженіе Гэда.

Революціонный марксизмъ отвергъ анархическія глупости Домелы. Но совсѣмъ не по тѣмъ мотивамъ, которые теперь старается подставить „бывшій человѣкъ“ Плехановъ.

Ни на минуту революціонные марксисты не отвергали и тогда идею гражданской войны—въ отвѣтъ на преступную войну, которую начнутъ буржуазныя правительства.

— „Война — писалъ тотъ-же Гэдъ въ 1891 году — война столь-же неизбѣжна въ капиталистическомъ режимѣ, какъ холера у истоковъ Ганга... Либо соціальная революція, либо—война... Завоевать прочный миръ, завладѣть средствами производства мы можемъ не тѣмъ, что бросимъ ружье, которое неблагоразумное правительство и капиталисты дадутъ намъ въ руки. Нѣтъ, намъ надо зарядить это ружье, намъ надо взять это ружье на плечо, и только тогда обездоленный классъ... (добьется указанныхъ завоеваній).

„Всюду, гдѣ у соціалистовъ будутъ для этого силы, имъ надо будетъ сдѣлать нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ скрестить руки. Благодаря начинающейся войнѣ, мастерскія опустѣютъ, война подыметъ на ноги тысячи и тысячи пролетаріевъ, которые теперь будутъ вооружены и станутъ господами положенія.

„Вотъ почему, въ сознаніи того, что на нихъ ляжетъ эта, совсѣмъ другая, задача, революціонные соціалисты, предоставивъ дѣтямъ (т. е. голландскимъ анархистамъ Г. З.) забавляться большими словами, рѣшили

— по выраженію Вальяна — идти до конца[1]) въ исполненіи своего долга"...[2])

Противъ анархизма Домелы, но и — противъ буржуазно-оппортунистическихъ идей, которыя г. Плехановъ теперь преподноситъ намъ подъ видомъ „марксизма", высказались въ 1891-93 годахъ всѣ революціонные марксисты во 2-мъ Интернаціоналѣ. Они не отвергали гражданскую войну, а прямо проповѣдывали ее...

III. Борьба направленій на Штуттгартскомъ конгрессѣ.

При другомъ положеніи вещей черезъ $1^1/_2$ десятилѣтія обсуждалъ вопросъ о войнѣ международн. конгрессъ въ Штуттгартѣ. Революція 1905 года не оказалась побѣдоносной, но она показала, какія громадныя революціонныя силы таитъ въ себѣ современная Россія. Съ другой стороны, событія 1905 года показали глубоко реакціонную роль современныхъ западныхъ „демократій", способныхъ — какъ это сдѣлала, имперіалистская Франція — въ угоду кучкѣ магнатовъ капитала спасать разбойничью монархію Романовыхъ. Судьбы русской буржуазно-демократической революціи оказались тѣснѣйшимъ образомъ связанными съ борьбой западно-европейскаго пролетаріата за соціалистическій переворотъ.

---

[1]) Рѣшили идти до конца—aller jusqu'au bout. Тогда подъ этимъ понималось идти съ оружіемъ въ рукахъ противъ своей буржуазіи, идти на гражданскую войну. Теперь слова «идти до конца» имѣютъ въ устахъ Гэда и Ко совсѣмъ иной смыслъ. Новыя времена, новыя пѣсни...

[2]) «Le Socialiste», 2 septembre 1891., „En Garde!", 103.

Революція 1905 года не побѣдила, но она тѣмъ не менѣе пробудила народы Азіи, она занесла свѣжій вѣтеръ свободы и въ Европу.

И въ то-же время на аренѣ международной политики произошли рѣшающія событія. Войны 1894-1895 г. г. (японо китайская), и 1898 (европейско-китайская) носили явно выраженный имперіалистскій характеръ и завязывали новые имперіалистскіе узлы. Надвинулась цѣлая эпоха чисто имперіалистскихъ войнъ. Франко-русскій союзъ превращался въ тройственное согласіе. Италія, подкупленная имперіалистами Англіи и Франціи, фактически отходила отъ тройственнаго союза, нацѣливаясь на Триполитанію. Марокко — за Египетъ, за Марокко—Триполи; — по этой „формулѣ“ совершалось сближеніе англо-франко-итальянскихъ имперіалистовъ. Англійскіе и русскіе имперіалисты, старые традиціонные противники, теперь „миролюбиво“ подѣлили между собой Персію, которую рѣшили грабить сообща. Изъ-за „вліянія“ въ Марокко имперіалисты Германіи и Франціи чуть было не довели уже дѣло до міровой войны. Европейскій миръ находился на лезвіи ножа. Имперіалистскій конфликтъ между Англіей и Германіей назрѣвалъ у всѣхъ на глазахъ. Вооруженія на сушѣ и на морѣ принимали все болѣе безумные размѣры. Имперіализмъ вступалъ въ полосу своего апогея Очертанія надвигающейся все-европейской войны, въ которой два имперіалистскихъ треста во имя своихъ рабовладѣльческихъ интересовъ поставятъ на карту десятки милліоновъ жизней, — очертанія этой войны вырисовывались уже съ полной ясностью. Имперіалистская реакція наглѣла съ каждымъ днемъ. Становилось очевиднымъ, что предстоящая война поставитъ 2-ой Интернаціоналъ передъ вопросомъ жизни или смерти

Такова—въ самыхъ общихъ чертахъ—была обстановка, при которой-собирался Штуттгартскій конгрессъ.

Какую-же позицію занялъ 2-ой Интернаціоналъ передъ лицомъ такого положенія вещей?

Говорить теперь о слабости движенія, сваливать все на недостатокъ силъ не было возможности. Число соціалистическихъ избирателей, число членовъ соціалистическихъ партій, число членовъ соціалистическихъ профессіональныхъ союзовъ достигало почти десятка милліоновъ.

Но за то въ это время въ Интернаціоналѣ фактически бралъ уже верхъ оппортунизмъ. То обстоятельство, что за соціализмомъ стояла уже такая численно-громадная армія, все больше вдохновляло государственныхъ мужей оппортунизма къ „положительной", „органической" работѣ въ рамкахъ капитализма и въ „сотрудничествѣ" съ буржуазіей.

Достаточно вспомнить, что на томъ-же Штуттгартскомъ конгрессѣ чуть было не побѣдили оппортунисты, требовавшіе „признанія" соціалистами современной колоніальной политики. Въ сущности говоря, это означало, что уже тогда едва-ли не большинство „европейскихъ" соціалистовъ скатывалось къ соціалъ-шовинизму. Это обстоятельство надо всегда помнить при сужденіяхъ о Штуттгартскомъ конгрессѣ. Тогда мы поймемъ почему то, что онъ въ 1907 г. сказалъ о борьбѣ противъ войны, въ 1914 году оказалось—слова, слова, слова...

Главныя пренія по вопросу о милитаризмѣ и борьбѣ противъ войны произошли въ комиссіи конгресса, а не на самомъ конгрессѣ. Но въ комиссіи присутствовали сотни делегатовъ. Всѣ партіи послали въ эту комиссію лучшія свои силы. Ибо всѣ сознавали,

что здѣсь рѣшается важнѣйшій вопросъ, вопросъ о томъ быть или не быть Интернаціоналу.

Предсѣдателемъ комиссіи по предложенію Вандервельде былъ избранъ... Зюдекумъ. Оглядываясь теперь назадъ, въ этомъ можно видѣть злую насмѣшку, какой-то символъ. Предсѣдателемъ собранія, которое должно было рѣшить, какъ рабочимъ-соціалистамъ всѣхъ странъ общими усиліями бороться противъ имперіализма и противъ войны! избранъ былъ г-нъ Зюдекумъ! Развѣ это не эмблема всего 2-го Интернаціонала въ началѣ его декаданса?...

Роль Ньювенгуиса въ Штуттгартѣ сыгралъ Гюставъ Эрве („первой манеры"). Въ его програмной рѣчи попадались и здравыя мысли. Онъ правъ былъ, когда выступалъ противъ шаблоннаго пониманія оборонительной и наступательн. войны. „Когда хотятъ слопать маленькое Марокко, тогда всѣ признаютъ, что это наступательная война. Но когда начнется война между великими державами, тогда могущественная капиталистическая печать вызоветъ такую волну націонализма, что мы просто будемъ безсильны ей противустоять. Тогда вы опоздаете со всѣмъ вашимъ тонкимъ различіемъ".[1]) Онъ правъ былъ, когда говорилъ, что соціалъ-шовинистская тактика въ переводѣ на простой языкъ означаетъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, убивайте другъ друга" (84). Но онъ говорилъ вздоръ, когда изъ посылки: „каждое отечество есть только дойная корова для капиталистовъ" (83) дѣлалъ выводъ: „германская монархія или французская республика — это для соціалистовъ совершенно все равно" (83).

Когда въ резолюціи, предложенной конгрессу, Эрве заявлялъ, что пролетаріату все равно („совершенно без-

[1]) Протоколы Штуттгарт. Конгр. 84.

различно") подъ властью какой національной буржуазіи находится его страна, онъ защищалъ явную нелѣпость —хуже Ньювенгуиса. Пролетаріату вовсе не безразлично, можетъ-ли онъ свободно пользоваться своимъ роднымъ языкомъ, или къ классовому гнету прибавится еще національный гнетъ. Вмѣсто того, чтобы изъ назрѣвшихъ предпосылокъ для соціализма сдѣлать выводъ, что пролетаріатъ единственный классъ, который до конца будетъ бороться, между прочимъ, и противъ всякаго національнаго гнета, за полное національное равноправіе, за право націй на самоопредѣленіе, — вмѣсто этого Эрве объявляетъ, что пролетаріату нѣтъ дѣла до національнаго гнета, что онъ игнорируетъ національный вопросъ вообще. Разумѣется, такой квази-„лѣвой" постановкой вопроса эрвеисты только помогали крайнимъ правымъ ревизіонистамъ.

Другую нелѣпость защищали гэдисты, которые къ тому времени частью перешли къ оппортунистамъ, частью выродились въ смѣшную секту. Ихъ позиція заключалась въ томъ, что вообще не надо никакой спеціальной борьбы противъ милитаризма (см. проектъ ихъ резолюціи, стр. 86, 87), ибо... ибо „милитаризмъ есть естественный и неизбѣжный продуктъ капиталистическаго строя". Наговоривъ банальныхъ истинъ, резолюція гэдистовъ кончаетъ: «Если угрожаетъ война, Международное Соціалистическое Бюро, согласно его уставу, должно собраться и принять необходимыя мѣры». Просто и ясно! Если будетъ грозить война, Бюро соберется и разсудитъ. Вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ... А сейчасъ нечего ломать голову и надо только «вести соціалистическую пропаганду и агитацію».

Это—на рѣдкость безжизненная позиція... Мы уже

видѣли въ другомъ мѣстѣ, [1]) какъ во время дрейфусіады Гэдъ предлагалъ французскимъ соціалистамъ не вмѣшиваться въ это дѣло, волновавшее десятки милліоновъ людей, а просто вести пропаганду противъ капитализма вообще — ибо дѣла, подобныя дрейфусовскому, являются-де естественнымъ и неизбѣжнымъ продуктомъ капитализма. Каждую истину путемъ ея утрировки можно превратить въ смѣшной софизмъ. Это часто и дѣлалъ гэдизмъ. Въ своей здоровой ненависти къ реформизму, который за частными злобами дня забывалъ о соціализмѣ, гэдисты сами зачастую впадали въ какое-то соціалистическое отшельничество. Тамъ, гдѣ нужно было слиться съ массой, съ головой броситься въ гущу жизни, — они читали прописную соціалистическую «мораль», они устранялись съ поля битвы, они преподносили безжизненную схоластическую формулу. Эта слабая сторона гэдизма съ годами все больше давала себя знать. И она то, въ скобкахъ сказать, больше всего помогла французскимъ реформистамъ побѣдить французскихъ марксистовъ.

Въ резолюціи гэдистовъ на Штуттгарсткомъ конгрессѣ мы видимъ ту-же смѣсь марксизма съ безжизненной схоластикой. Такъ какъ войны суть продуктъ капитализма, то... не къ чему вести спеціальную борьбу противъ войнъ!... Фактически эта резолюція очищала мѣсто оппортунистамъ. Съ ней никто на конгрессѣ серьезно не считался. Ее просто отодвинули. На нее не обратили вниманія.

Главная борьба сосредоточилась между нѣмецкимъ

---

[1]) Эта работа есть переработанная глава изъ книги автора, посвященной войнѣ и краху 2-го Интернаціонала.

и французскимъ большинствами: на одной сторонѣ Бебель и Фольмаръ, на другой Жоресъ и Вальянъ.

Разногласія между этими двумя лагерями на самомъ дѣлѣ были гораздо меньше, чѣмъ это могло показаться. И Бебель, и Жоресъ, и Брантингъ, и Вандервельде, и Фольмаръ, и Вальянъ говорили на этомъ конгрессѣ о «націи» и объ «отечествѣ» въ такихъ выраженіяхъ, которыя соціалъ-патріоты всѣхъ странъ очень легко используютъ теперь для оправданія „новой" тактики. И Бебель и Жоресъ продолжали говорить просто о „защитѣ отечества", не проводя отчетливой разницы между подлинной защитой отечества въ прежнихъ національныхъ войнахъ и обманнымъ характеромъ этого лозунга въ нынѣшнихъ имперіалистическихъ войнахъ.

Дѣлая уступку оппортунизму, Бебель, напримѣръ, отрекся въ Штуттгартѣ отъ положенія „Коммун. Манифеста", гласящаго, что «рабочіе не имѣютъ отечества». (То-же самое сдѣлали раньше Эд. Бернштейнъ, Жоресъ и др.).

Бебель заявилъ: — „Эрве говоритъ: отечество есть отечество правящихъ классовъ, оно пролетаріата не касается. Подобная-же мысль была высказана въ Коммунистическомъ Манифестѣ, гдѣ мы читаемъ слова: пролетаріи не имѣютъ отечества. Но, во 1-хъ, ученики [1]) Маркса и Энгельса заявили, что они (?) больше не раздѣляли (?) этихъ взглядовъ манифеста. А во 2-хъ, они (повидимому, Марксъ и Энгельсъ—по контексту неясно) въ теченіе десятилѣтій занимали очень ясную и вовсе не отрицательную позицію въ

---

[1]) Бебель неправъ и фактически. «Ученикъ» Плехановъ еще въ 1905 году самымъ рѣшительнымъ образомъ защищалъ тезисъ: пролетаріи не имѣютъ отечества.

европейскихъ и спеціально нѣмецкихъ національныхъ вопросахъ" (82).

Это сказано не слишкомъ ясно, но тенденція все-таки несомнѣнна: признать „устарѣвшимъ" положеніе, что пролетаріи не имѣютъ отечества. А это, конечно, обязывало къ цѣлому ряду дальнѣйшихъ уступокъ оппортунизму.

Бебель продолжаетъ настаивать на томъ, что критерій оборонительной и наступательной войны долженъ остаться въ силѣ и примѣнительно къ близящейся войнѣ. «Я оспариваю утвержденіе, будто нельзя будетъ различить, гдѣ оборонительная, гдѣ наступательная война—говорилъ Бебель. Теперь положеніе дѣлъ уже не таково, чтобы наблюдательный и достаточно подготовленный политикъ не могъ видѣть тѣхъ нитей, которыя привели къ военной катастрофѣ. Политика кабинетовъ отошла въ прошлое" 82).

Увы! Эти слова показываютъ только, какъ даже самые ясные умы могутъ заблуждаться — изъ приверженности къ старой, непримѣнимой въ новыхъ условіяхъ формулѣ.

Политика кабинетовъ отошла въ прошлое! Это говорилось въ Германіи въ 1907 году!!

Больше этого! Бебель утверждаетъ, что правящая Германія вовсе не хочетъ войны. „Въ руководящихъ кругахъ Германіи никто не хочетъ войны, и это въ значительной степени изъ за того, что существуетъ соціалистическое движеніе. Самъ Бюловъ призналъ въ отвѣтъ на мою рѣчь, что правительства сознаютъ, какая ставка будетъ поставлена на карту для государства и общества въ случаѣ европейской войны и что поэтому этой войны будутъ стараться по возможности избѣгнуть" (83).

Поистинѣ, какое-то ослѣпленіе!...

Ставъ на почву „оборонительной“ войны, Бебель продолжаетъ: „Если и мы, какъ соціальдемократы до тѣхъ поръ, пока взаимоотношенія между государствами не перемѣнились въ корнѣ — не можемъ совершенно обойтись безъ военныхъ вооруженій, то только въ смыслѣ чистой обороны и на широчайшей демократической основѣ, которая не позволяетъ злоупотреблять военной силой“ (83).

Изъ этихъ словъ въ сущности выходитъ, будто народная милиція нужна намъ только для защиты существующаго европейскаго status quo — не больше, не меньше! Примѣненіе критерія „оборонительной“ войны въ нынѣшнюю эпоху ведетъ либо къ современной тактикѣ Шейдемановъ и Самба, либо, въ лучшемъ случаѣ, къ простому охраненію status quo и увѣреніямъ, что „наше“ правительство войны вовсе не хочетъ.

Предложеніе Бебеля (и германской с.-д-тіи вообще) первоначально сводилось къ тому, чтобы оставить все по старому, утвердить старыя рѣшенія и т. п. А главное—не говорить ясно, что въ случаѣ войны с.-д-тія должна будетъ прибѣгнуть къ опредѣленнымъ революціоннымъ мѣрамъ. Мы сдѣлаемъ, что сможемъ, но— не ставьте насъ въ невозможное положеніе сейчасъ, не приводите къ тому, что прокурорская власть получитъ прямое орудіе противъ нашей легальной партіи! Таковъ былъ смыслъ рѣчей Бебеля и его единомышленниковъ въ Штуттгартѣ.

А позиція Жореса и французскаго большинства?

Въ ихъ резолюціи говорилось прямо, что для предотвращенія войны слѣдуетъ прибѣгнуть ко всѣмъ средствамъ „вплоть до массовой стачки и возстанія“. Сакраментальныя слова были сказаны. Значитъ-ли это,

что Жоресъ и жоресисты больше были революціонерами, чѣмъ Бебель и его сторонники?

Отнюдь нѣтъ!

Ключъ къ позиціи Жореса надо искать въ другомъ направленіи. Онъ, какъ и Бебель, не проводилъ рѣзкой и ясной черты между защитой отечества въ національныхъ войнахъ и „защитой отечества“ въ войнахъ имперіалистическихъ. Онъ тоже признавалъ защиту отечества въ „оборонительной“ войнѣ. Но онъ зналъ и чувствовалъ, что его французское отечество слабѣе нѣмецкаго. Онъ сознавалъ, что „обороняться“ придется скорѣе всего Франціи, его отечеству, „родинѣ революціи“, „хранительницѣ культуры“ и т. д. Отсюда его стремленіе заручиться согласіемъ соціалистовъ другихъ странъ—въ первую голову, нѣмецкихъ соціалистовъ — помочь Франціи въ случаѣ „справедливой“ съ ея стороны войны. Отсюда его стремленіе ангажировать нѣмецкихъ соціалистовъ прямымъ обязательствомъ прибѣгнуть не только къ платоническому протесту, но къ стачкѣ и къ возстанію.

Здѣсь не было какого-нибудь сознательнаго—и тѣмъ болѣе: худого—разсчета. Но мнимая „революціонность“ жоресистовъ въ этомъ вопросѣ, на нашъ взглядъ, шла именно изъ этого источника. На самомъ дѣлѣ, это была вовсе не революціонность, это былъ своеобразно выраженный оппортунизмъ.

Въ той-же резолюціи жоресистовъ, гдѣ говорится о стачкѣ и возстаніи, содержится слѣдующее важнѣйшее положеніе:—„угрожаемыя нація и рабочій классъ имѣютъ повелительную обязанность защищать свою независимость и самостоятельность отъ этихъ нападеній. И они имѣютъ право разсчитывать на помощь со стороны рабочаго класса всего міра“ (86). Эту по-

литику Жоресъ, какъ и Бебель, въ той-же резолюціи нѣсколькими строками ниже называетъ „оборонительной политикой“.

И французское, и нѣмецкое большинство стоитъ на одной и той-же принципіальной позиціи. Разница вытекла только изъ того, что одни принадлежатъ къ странѣ, въ военномъ отношеніи болѣе сильной, другіе—къ странѣ, въ военномъ отношеніи болѣе слабой. У однихъ психологія обусловлена больше всего тѣмъ, что въ 1870-71 ихъ отечество было побѣждено, у нихъ отняли двѣ провинціи. У другихъ психологія — обратная. Ни тѣ, ни другіе не даютъ цѣльной оцѣнки новой—имперіалистской — эпохи, когда самый принципъ защиты отечества и оборонительной войны потерялъ свое прежнее значеніе. Французы — вопреки внѣшней видимости—на самомъ дѣлѣ, вовсе не противопоставили въ Штуттгартѣ нѣмцамъ своей особой тактики. Они стояли на той-же почвѣ, что и нѣмцы. Разница между Жоресомъ и Фольмаромъ не принципіальная разница.

Въ рѣчахъ Вальяна и Жореса чаще попадались указанія на опасность, которая грозитъ пролетаріату со стороны имперіалистской реакціи. „Существуетъ опасность что буржуазія прибѣгнетъ къ міровой войнѣ только для того, чтобы повредить пролетарскому движенію“ — говорилъ Вальянъ (88). Но онъ совершенно не задумывался о томъ: какъ-же въ этомъ случаѣ примѣнить теорію оборонительной войны; о какой защитѣ отечества могла-бы идти рѣчь при такой войнѣ?

Жоресъ говоритъ, что его резолюція „не изъ головы выдумана, а съ необходимостью выросла изъ великихъ кризисовъ послѣ Фашоды и Марокко. Тутъ-то пролетаріатъ и долженъ былъ спросить себя: будемъ-

ли мы терпѣть эти преступленія противъ человѣчества, совершаемыя въ интересахъ кучки капиталистовъ? Не должны-ли мы противопоставить имъ великій союзъ милліоновъ организованныхъ пролетаріевъ? (89). И дальше: „Раньше національные конфликты дѣлали войны неизбѣжными — когда Италія боролась за освобожденіе отъ чужеземнаго гнета Австріи, когда Германія не могла достигнуть объединенія безъ крови и желѣза. Но теперь національный предлогъ исчезъ, и во время Мароккскаго кризиса первой мыслью французскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ было — объединиться“ (89).

Все это сказано очень недурно. Но — выводы? Гдѣ-же выводы Жореса? Какъ связать это съ общимъ положеніемъ его резолюціи, которая говоритъ о защитѣ отечества вообще и справедливой войнѣ вообще — положеніемъ, которое взято именно изъ старой эпохи, когда Италія боролась за освобожденіе отъ чужеземнаго гнета Австріи, Германія не могла объединиться безъ крови и желѣза и т. п.? [1])

---

[1]) Въ 1859 году дѣло шло объ освобожденіи Италіи изъ подъ чужеземнаго ига Австріи, дѣло шло о созданіи итальянскаго единства, въ которомъ былъ заинтересованъ весь народъ, вся демократія. Австрія была угнетательницей, Италія угнетаемой.

Въ 1859 году, передъ самымъ началомъ войны, такой человѣкъ, какъ Н. А. Добролюбовъ, клеймилъ Австрію, вкладывая ей въ уста слѣдующія слова:

— Не стыдно-ль вамъ (т. е. итальянцамъ), мятежные языки,
Возстать на насъ? Вѣдь вами мы владыки!...
Мы сорокъ лѣтъ оберегали васъ
Отъ необдуманныхъ ребяческихъ проказъ...
Нашъ собственный языкъ, шпіоновъ, гарнизоны,
Чины, обычаи и самые законы, —
Все, все давали вамъ мы щедрою рукой!...
И вотъ чѣмъ платите вы Австріи родной!...
Не стыдно-ль вамъ? Чего еще вамъ нужно?

Жоресъ чувствуетъ, что здѣсь его Ахилессова пята, что здѣсь слабость его позиціи. Онъ продолжаетъ ходить вокругъ да около.

Представимъ себѣ случай, говоритъ онъ, когда то или иное правительство „не прямо нападаетъ на соціаль-демократію, а встревоженное успѣхами соціализма, прибѣгаетъ къ диверсіи — вызываетъ военный конфликтъ. Если такимъ манеромъ возникла-бы война между Германіей и Франціей, неужели мы позволимъ, чтобы французскіе и нѣмецкіе пролетаріи стали истреблять другъ друга по порученію и на пользу капиталистамъ? Неужели с.-д-тія не прибѣгнетъ къ самому крайнему напряженію силъ? Еслибы мы не попытались этого сдѣлать, мы запятнали-бы свою честь“ (громъ апплодисментовъ).

Сказано опять-таки совсѣмъ не дурно. Но — какъ-же быть съ универсальнымъ принципомъ „защиты отечества» въ такомъ случаѣ? Какое правительство при такомъ положеніи вещей признать наступающимъ, какое обороняющимся? Не ясно-ли до очевидности, что самый принципъ обороны и наступленія совершенно не примѣнимъ въ такой войнѣ?

„Поэтому — какъ-бы отвѣчая себѣ на такой вопросъ, продолжаетъ Жоресъ — мы должны съ достаточной

Зачѣмъ не жить попрежнему намъ дружно?
Иль мало нашихъ войскъ у васъ стоитъ?
Или полиція о дѣлѣ не радитъ?
Но донесите лишь — и въ мигъ мы все поправимъ,
И въ каждый домъ баталіонъ поставимъ...

А теперь? Теперь Италія сама снабжаетъ гарнизонами Триполитанію, сама готова захватить Албанію, сама имѣетъ банды шпіоновъ, теперь Италія сама — имперіалистская хищница, сама — угнетательница другихъ народовъ.

ясностью заявить: хотя-мы и признаемъ неприкосновенность каждой страны и не позволимъ подвергнуть какую-бы то ни было страну чуженаціональному гнету и эксплуатаціи, — мы, однако, ни въ коемъ случаѣ не допустимъ, чтобы интернаціональный пролетаріатъ повели на бойню“ (90).

Хотя мы и признаемъ — мы, однако, не позволимъ!...

Это противопостановленіе, взятое буквально, — неясно, нелогично, непонятно. Никакого противопоставленія не выходитъ. Но въ немъ съ рельефностью выразилась противорѣчивость всей позиціи Жореса и другихъ видныхъ представителей 2-го Ин-ла. Они инстинктивно чувствуютъ, что ихъ постановку вопроса о „защитѣ отечества“ и „оборонительной“ войнѣ враги используютъ теперь для того, чтобы „повести интернаціональный пролетаріатъ на бойню“. Они, конечно, этого не хотятъ, ибо они — искренніе друзья рабочихъ. Но — они не могутъ и подняться до цѣльнаго взгляда на новыя задачи, они не могутъ расквитаться со старой идеологіей. И имъ остается только метаться между „хотя“ и „однако“. У нихъ остается только мучительное сознаніе безвыходности положенія, и они аппелируютъ то къ пацифистскимъ утопіямъ разоруженія и третейскихъ судовъ, то — къ панацеѣ военной стачки...

Что принципіальной разницы не было между позиціей французскаго и нѣмецкаго большинства — видно и изъ рѣчей такихъ типичныхъ представителей „середины“, какимъ былъ во 2-омъ Интернаціоналѣ Эмиль Вандервельде. Въ его рѣчахъ на конгрессѣ и особенно въ комиссіи вы найдете радикальныя заявленія. „Мы должны работать, чтобы завоевать головы солдатъ...

Антимилитаризмъ намъ нуженъ не на второй день послѣ соціальной революціи, а — сейчасъ... Душою я на сторонѣ резолюціи Вальяна“ (стачка и возстаніе) — заявляетъ Вандервельде въ комиссіи (94). „При капиталистическомъ милитаризмѣ обязанность защищать отечество менѣе важна для солдата, чѣмъ обязанность стрѣлять въ отца и мать“ — говоритъ Вандервельде на пленарномъ собраніи конгресса (67). Сердцемъ Вандервельде на сторонѣ Жореса и Вальяна, а головой — на сторонѣ Бебеля. Это было возможно только потому, что между французской и нѣмецкими позиціями принципіальной разницы не было.

Отъ обѣихъ этихъ позицій принципіально отличалась только одна рѣчь, произнесенная въ Штуттгартѣ. Это — рѣчь Розы Люксембургъ. Эта рѣчь давала — хотя и въ не вполнѣ законченной еще формѣ — обоснованіе революціонно-марксистской позиціи. Она ближе всего подошла къ той концепціи, которая служитъ теперь основой позиціи интернаціоналистовъ.

Роза Люксембургъ говорила „отъ имени русской и польской делегацій“. Въ подъ-комиссію конгресса, выработавшую текстъ Штуттгартской резолюціи, Роза Люксембургъ вошла, какъ делегатка русскихъ большевиковъ (101).

Вотъ что сказала Р. Л.: — „На послѣднемъ конгрессѣ въ Амстердамѣ въ 1904 году подвергся обсужденію вопросъ о массовой стачкѣ. Было принято рѣшеніе, объявившее насъ несозрѣвшими и неподготовленными для массовой стачки. Но матеріалистическая діалектика... очень скоро осуществила то, что мы объявили невозможнымъ. Я должна выступить противъ Фольмара (Фольмаръ произнесъ довольно откровенную “патріотическую“ рѣчь) и, къ сожалѣнію, также про-

тивъ Бебеля, которые сказали, что мы не можемъ сдѣлать больше, чѣмъ дѣлали до сихъ поръ. Но — русская революція не только вышла изъ войны, она сама также послужила къ тому, чтобы прекратить войну... Историческую діалектику мы понимаемъ не въ томъ смыслѣ, что мы со скрещенными руками должны ждать, пока она принесетъ намъ зрѣлые плоды. Я — убѣжденная сторонница марксизма, и именно поэтому я вижу великую опасность въ томъ, что марксистскимъ взглядамъ придаютъ мертвящую фаталистскую форму. Это приводитъ только къ тому, что въ видѣ реакціи мы получаемъ такіе эксцессы, какъ эрвеизмъ... Это фактъ, что громадная масса нѣмецкаго пролетаріата дезавуировала взгляды Фольмара. Это было на партейтагѣ въ Іенѣ... Въ іенской резолюціи она (германская с-дія) провозгласила, какъ одно изъ средствъ борьбы, всеобщую стачку, которую она прежде въ теченіе долгихъ лѣтъ отвергала, какъ анархизмъ. Но надъ работами Іенскаго партейтага виталъ не духъ Домелы Ньювенгуиса, а духъ — русской революціи. Правда, мы имѣли тамъ въ виду массовую стачку не противъ войны, а какъ отвѣтъ на возможное отнятіе у насъ избирательнаго права. Конечно, мы не можемъ присягнуть, что, если у насъ отнимутъ избирательное право, мы отвѣтимъ непремѣнно массовой стачкой. Но мы не можемъ также присягнуть, что къ массовой стачкѣ мы прибѣгнемъ только въ отвѣтъ на лишеніе избирательнаго права. Послѣ рѣчи Фольмара и отчасти Бебеля мы (русскіе и польскіе с-д.) считаемъ нужнымъ сдѣлать болѣе точной, болѣе рѣзкой резолюцію Бебеля, и мы вносимъ съ этой цѣлью дополненіе... Я должна прибавить, что наше дополненіе отчасти идетъ еще дальше, чѣмъ т-щи Жоресъ и Вальянъ, ибо мы хотимъ, чтобы въ случаѣ

войны агитація велась не только за скорѣйшее прекращеніе ея, мы требуемъ, что бы сама война была использована для ускоренія краха классоваго господства вообще". [1])

Мы видимъ: никакой „защиты отечества" въ войнахъ, подобныхъ нынѣшней, ораторъ лѣвой не допускаетъ. Въ его рѣчи содержится рѣшительная критика по адресу людей, говорившихъ объ этой защитѣ — критика, направленная не только противъ Фольмара, но и противъ Бебеля. Слова противъ „марксистскаго" фатализма попадаютъ не въ бровь, а въ глазъ нынѣшнимъ каутскіанцамъ. Тогда они направлялись противъ Адлера и отчасти Бебеля, которые успокоительно указывали на то, что милитаризмъ, обременяя населеніе, самъ постепенно создаетъ положеніе, при которомъ его дальнѣйшее существованіе станетъ невозможнымъ. Ораторъ лѣвой отгораживается отъ фразерства „эрвеистовъ". Но массовой стачки онъ ничуть не отвергаетъ. И, наконецъ, именно ораторъ лѣвой вноситъ, въ видѣ „поправки" то главное положеніе Штутгартской резолюціи, которое гласитъ: въ случаѣ войны, надо бороться за ея скорѣйшее прекращеніе и въ тоже время „подымать массы, использовать созданный войной кризисъ для ускоренія краха всего капиталистическаго строя".[2])

---

[1]) Протоколы 97, 98.

[2]) Я хорошо помню, что окончательному редактированію этой поправки предшествовали продолжительные непосредственные переговоры наши съ Бебелемъ. Первая редакція говорила гораздо прямѣе о революціонной агитаціи и революціонныхъ дѣйствіяхъ. Мы показали ее Бебелю; онъ отвѣтилъ: не принимаю, ибо прокурорская власть распуститъ тогда наши партійныя организаціи, а мы на это не идемъ, пока нѣтъ еще ничего серьезнаго. Послѣ со-

Эта „поправка“ была подписана Н. Ленинымъ, Р. Люксембургъ и другими. Она была принята конгрессомъ. И она стала центральнымъ мѣстомъ Штуттгартской резолюціи. Ее теперь цитируютъ больше всего. Ибо—она одна съ полной ясностью выражаетъ марксистскіе взгляды.

IV. Противорѣчивость позиціи оффиціальныхъ вождей 2-го Интернаціонала.

При выработкѣ самой резолюціи вообще создалось чрезвычайно своеобразное положеніе.

Замѣчательная вещь! Оба главныхъ лагеря—и нѣмецкое, и французское большинство—стояли въ принципѣ за „защиту отечества“. Имъ было обезпечено громадное большинство конгресса. И, однако, въ самой резолюціи конгресса нѣтъ ни звука о признаніи „защиты отечества“. И, однако, приведенное нами основное положеніе, которое вполнѣ раздѣлялось нѣмцами — въ резолюцію самого конгресса не попало.

Спрашивается: почему? Какъ это случилось? Чѣмъ это объяснить?

На первый взглядъ этотъ фактъ совершенно необъяснимъ. А между тѣмъ именно онъ даетъ намъ ключъ къ позиціи всего 2-го Интернаціонала въ этомъ вопросѣ.

Позиція эта была двойственна и противорѣчива.

вѣщанія съ юристами по спеціальности и многократной передѣлки текста, чтобы выразить ту-же мысль легально, была найдена окончательная формула, на принятіе которой Бебель далъ согласіе.

Н. Ленинъ.

Оппортунисты, которые въ „верхахъ“ партій всюду въ „Европѣ“ составляли большинство, совершенно сознательно соединяли реформизмъ съ „патріотизмомъ“. Они былы правы, когда на упреки буржуазіи въ недостаткѣ „патріотизма“ они отвѣчали, что по этой части „соціалисты“-реформисты могутъ дать буржуазіи нѣсколько очковъ впередъ. Оппортунисты совершенно сознательно вели 2-ой Интернаціоналъ къ соціалъ-шовинизму.

Не такъ просто обстояло дѣло съ другой частью Интернаціонала. Марксистскій центръ въ Германіи, революціонеры стараго закала во Франціи (ихъ наиболѣе типичный представитель—покойный Вальянъ) не освободились отъ старой идеологіи, порожденной эпохой національныхъ войнъ. Съ другой стороны, они, какъ достаточно опытные политики, видѣли, что та реальная война, которая надвигается на Европу, будетъ войной иного рода, что, если война разразится, это будетъ война грабителей между собой, война, въ которой нельзя будетъ проводить отличіе нападающей стороны отъ обороняющейся, война, въ которой только въ насмѣшку можно будетъ говорить о справедливости, правѣ, морали.

Въ статьѣ, написанной сейчасъ-же послѣ Штутгартскаго конгресса, Каутскій писалъ:

— „При нынѣшней всемірно-политической ситуаціи не можетъ быть и рѣчи о такой войнѣ, относительно которой можно было-бы допустить, чтобы пролетаріатъ или демократія были заинтересованы въ защитѣ или нападеніи... Единственная опасность войны угрожаетъ теперь со стороны колоніальной (überseischen) міровой политики, по отношенію къ которой пролетаріатъ съ

самаго начала занимаетъ рѣзко отрицательную позицію.[1])

Этими словами Каутскій несомнѣнно выразилъ тогдашнее убѣжденіе (или настроеніе) цѣлаго ряда старыхъ дѣятелей 2-го Интернаціонала, быть можетъ, въ томъ числѣ и лучшихъ изъ оппортунистовъ.

Ближайшая война, къ которой буржуазія „великихъ“ державъ неуклонно ведетъ Европу, будетъ войной имперіалистской, грабительской,—войной, въ которой съ точки зрѣнія пролетаріата и демократіи не сможетъ быть и рѣчи объ оборонѣ и нападеніи! Эта мысль не могла не стучаться въ дверь 2-го Интернаціонала! Эта мысль должна была неотвязчиво сверлить мозгъ всѣхъ тѣхъ дѣятелей 2-го Интернаціонала, для которыхъ кровь рабочихъ не вода, для которыхъ пролетарскій интересъ не пустое слово.

Изъ сознанія этого и родилась та штуттгартская резолюція, въ которой ни слова нѣтъ о „защитѣ отечества“, но за то есть Аннибалова клятва использовать грядущую войну, чтобы поднять народъ и ускорить паденіе буржуазнаго строя.

Вотъ почему Штуттгартскій конгрессъ въ своей резолюціи не рекомендовалъ „защиты отечества“ въ предстоявшей войнѣ и ни слова не проронилъ о разграниченіи современныхъ войнъ на оборонительныя и наступательныя.

Теперь мы видимъ, чѣмъ объясняется то обстоятельство, что ни Жоресъ, ни Бебель не потребовали внесенія въ резолюцію признанія „защиты отечества“.

---

[1]) „Neue Zeit“ 1907, стр. 855-6. Еще болѣе рѣзко ту-же мысль Каутскій высказалъ въ 1909 г. въ статьѣ «Österreich und die Mächte», N. Z. 1909, 949, въ статьѣ «Sozialistische Kolonialpolitik» 1909, II, стр. 42 и въ 1910 г. — N. Zeit, 1910, II, стр. 76, 77.

Дѣло объясняется тѣмъ, что въ современную имперіалистскую эпоху старая постановка вопроса о защитѣ отечества и оборонительной войнѣ неудержима. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, просто нельзя свести концы съ концами, нельзя сказать ничего политически-членораздѣльнаго. Составители резолюціи, если не сознавали, то чувствовали это. Еслибы они захотѣли въ резолюціи сказать сколько-нибудь отчетливо, сколько-нибудь конкретно, какую именно войну между современными „великими“ державами при данной стадіи развитія слѣдовало-бы признать справедливой, оборонительной, при какихъ именно военныхъ столкновеніяхъ въ Европѣ соціалистамъ въ данную эпоху надо защищать отечество, — они, во первыхъ, никогда не согласились-бы между собой. А, во вторыхъ — и это главное! — они сразу попали-бы въ нелѣпое, смѣшное, безвыходное положеніе. Всѣ политически мыслящіе люди, повторяемъ, знали что если какая-либо война надвигается, такъ это грандіозная міровая имперіалистская война между двумя коалиціями. Всѣ знали, что и предстоящіе частные конфликты будутъ носить рѣзко выраженный имперіалистскій характеръ—въ родѣ войны Италіи и Турціи изъ-за Триполи, столкновенія изъ-за Марокко и т. п. Это—типъ современныхъ войнъ, войнъ изъ-за колоніальной добычи, въ основѣ — войнъ двухъ гигантскихъ имперіалистскихъ трестовъ изъ-за окончательнаго раздѣла и передѣла міра. Спрашивается: при такомъ положеніи вещей, что смогли-бы сказать въ резолюціи сторонники „защиты отечества“? Кому защищаться? Кого признать ведущимъ справедливую войну? Чью политику признать „оборонительной“, чью — наступательной?

Стоитъ только поставить эти вопросы, чтобы стало

ясно: написать въ 1907 г. отъ имени международнаго конгресса резолюцію, открыто проводящую „защиту отечества“, было просто политически немыслимо.

Представьте себѣ на минуту дѣло конкретно. Жоресъ, Бебель, Вальянъ, Фольмаръ, Вандервельде, Брантингъ одинаково одобрили принципъ защиты отечества въ „оборонительной“ войнѣ. Но вотъ они, какъ члены комиссіи, сѣли за одинъ столъ, чтобы выработать — въ 1907 году! — общую резолюцію. Если не хотѣть витать въ облакахъ, надо было говорить о борьбѣ между тройственнымъ союзомъ и тройственнымъ согласіемъ, о тѣхъ реальныхъ конфликтахъ, которые вотъ уже рядъ лѣтъ занимаютъ политическую авансцену въ Европѣ, о томъ состязаніи между двумя имперіалистскими трестами, которое единственно и чревато войной. Но спрашивается: что могли сказать названные вожди Интернаціонала, стоя на этой единственно реальной почвѣ? Какую сторону признать защищающей «культуру“: тройственный союзъ или тройственное согласіе?

Когда война 1914 г. началась, никакихъ разумныхъ доводовъ уже не требовалось. Когда разгорѣлись военныя страсти, можно было пичкать рабочихъ фразами о „борьбѣ противъ царизма“, о низверженіи „прусскаго милитаризма“, объ основныхъ правилахъ нравственности и права, защищаемыхъ царемъ Николаемъ II, и о „нѣмецкомъ человѣчествѣ“, защищаемомъ Вильгельмомъ II. Но въ 1907 году это было невозможно. Ни одинъ честный соціалистъ не могъ тогда „взять сторону“ ни одной изъ коалицій. Каждый долженъ былъ признать, что обѣ группировки стоятъ подъ знакомъ грабительскаго и реакціоннаго имперіализма.

Вотъ почему не надо смѣшивать отдѣльныхъ заявленій хотя-бы самыхъ вліятельныхъ вождей 2-го Интер-

національа съ оффиціальной позиціей этого Интернаціонала. Сказать въ рѣчи или въ статьѣ „я за защиту отечества“, „я—самый лучшій нѣмецкій (или французскій) патріотъ“, „я поддержу оборонительную войну“— можно было. Но на интернаціональной аренѣ, отъ имени рабочихъ всѣхъ странъ, провести систематически и цѣльно такую точку зрѣнія было уже невозможно. Этого нельзя было-бы ни обосновать, ни защитить. Съ этимъ нельзя было пойти къ рабочимъ. По крайней мѣрѣ,—одновременно къ рабочимъ всѣхъ странъ. Это неизбѣжно приводило-бы къ національному «соціализму», а не къ интернаціональному, это неизбѣжно означало-бы разрушеніе самаго 2-го Интернаціонала— что и случилось сейчасъ.

Для вождей 2-го Интернаціонала создавалось противорѣчивое положеніе. Вотъ почему небольшая группа лѣвыхъ могла оказать такое большое вліяніе на принятую резолюцію. Вотъ почему вмѣсто «защиты отечества» въ резолюціи очутилось восхваленіе тѣхъ способовъ борьбы противъ войны, которые практиковались русскими рабочими въ 1904-05 годахъ.

Революціонные марксисты, представительницей которыхъ выступила Роза Люксембургъ, были въ Штуттгартѣ только небольшимъ меньшинствомъ. Оппортунисты и „центръ“ безспорно составляли подавляющее большинство. Но логика положенія была за революціонныхъ марксистовъ. Они единственные послѣдовательно защишали интересы милліоновъ рабочихъ всѣхъ странъ. И рабочія массы, которыя невидимо присутствовали на конгрессѣ, заставили оффиціальныхъ вождей 2-го Интернаціонала принять многое изъ того, что предлагали революціонные марксисты устами Розы Люксембургъ.

Правда, во всѣ эти «страшныя слова» о революціи, о борьбѣ «всѣми средствами», о «подыманіи массъ» и т. д. большинство оппортунистовъ и «центра» совершенно не вѣрили, и этихъ обязательствъ они въ серьезъ не брали.

Нѣкоторые вожди оппортунистовъ заявляли открыто, что, соглашаясь на формулу: „бороться противъ войны всѣми средствами", они на дѣлѣ имѣютъ въ виду только мирный, парламентскій протестъ. Такъ, Ruffle-Smart отъ имени англійской Независимой Рабочей Партіи сказалъ: „Англійскіе соціалисты ни при какихъ условіяхъ въ своемъ протестѣ противъ войны не могутъ выйти за предѣлы мирной парламентской акціи и мирной акціи на собраніяхъ и на улицахъ" (98).

Къ тому-же многіе оппортунистскіе вожди не вѣрили и въ близость міровой войны. Еще въ іюлѣ 1914-го года Викторъ Адлеръ на засѣданіи Межд. Соц. Бюро въ Брюсселѣ, за нѣсколько дней до войны, говорилъ, что онъ, „не вѣритъ въ чудеса и потому не вѣритъ въ европейскую войну". Многіе оппортунисты не замѣчали быстраго нарастанія кризиса, который неизбѣжно вытекалъ изъ имперіалистскихъ соревнованій, они по уши сидѣли въ соціалъ-пацифистскихъ представленіяхъ. Всѣмъ этимъ и объяснялось то, что они сравнительно легко соглашались дѣлать уступки лѣвымъ въ резолюціяхъ. „Рѣчи Бебеля и Фольмара въ комиссіи были черны, а резолюція конгресса бѣла"— воскликнулъ Эрве при голосованіи комиссіоннаго проекта. То-же можно было сказать о рѣчахъ Жореса и Вальяна.

Куда дѣвалась ихъ «защита отечества» и «оборонительная» война?...

V. Комментаріи Бебеля и Жореса къ штуттгартскому рѣшенію.

Какъ-же свели концы съ концами сами представители штуттгартскаго большинства?

Впослѣдствіи, черезъ 4 года, Бебель (на Іенскомъ партейтагѣ 1911 года) разсказалъ о борьбѣ въ Штуттгартѣ въ такихъ выраженіяхъ:

— «Мы (нѣмцы) подробно доказали, почему для насъ невозможно голосовать за такую (французскую) резолюцію. А когда попытались противъ насъ во что бы то ни стало провести такое рѣшеніе, я самымъ категорическимъ образомъ заявилъ отъ имени делегаціи: хорошо, дѣлайте, что хотите, постановляйте, что вамъ заблагоразсудится, но мы нѣмцы будемъ противъ. На это намъ отвѣчали: ну, если вы, нѣмцы, заявляете такъ, тогда дѣло не пойдетъ, нужно добиться соглашенія. И намъ троимъ (Бебель, Гаазе, Фольмаръ) было поручено составить проектъ резолюціи». [1])

Приведя главныя мѣста штуттгартской резолюціи, Бебель продолжаетъ:

„Эта резолюція, т. о., не говоритъ, что всѣ мы во всѣхъ странахъ должны прибѣгнуть къ одинаковымъ средствамъ — въ этомъ и заключается разница между нами, съ одной стороны, и французами съ англичанами, съ другой“ (346).

По этому толкованію Бебеля выходитъ, что разница между французами и нѣмцами была не въ томъ, что одни хотѣли болѣе рѣшительныхъ дѣйствій (стачки) а другіе этого не хотѣли. Можетъ быть, прибѣгнемъ и

---

[1]) Проток, Іенск. парт. 1911, 345.

къ стачкѣ и къ еще болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ Не надо только думать, что возможно изобрѣсти какую-то панацею, одинаково пригодную для всѣхъ странъ и при всѣхъ обстоятельствахъ. Полное единообразіе для всѣхъ странъ невозможно. Надо оставить соціалистамъ каждой страны извѣстную свободу въ выборѣ средствъ—въ зависимости отъ всей совокупности конкретныхъ обстоятельствъ.

Разныя средства, но — противъ войны. Еще въ 1904 году, говоритъ Бебель въ той-же рѣчи, я сказалъ князю Бюлову, что ближайшая большая война „поставитъ на карту существованіе буржуазнаго общества“ (347).

Такъ говорилъ Бебель. Онъ не пытался—по крайней мѣрѣ, публично—примирить штуттгартскую резолюцію съ точкой зрѣнія «защиты отечества» и «оборонительной» войны.

Другое дѣло Жоресъ. Для него, какъ для француза — по причинамъ, о которыхъ мы уже говорили выше — было необходимо во что бы то ни стало связать штуттгартскую резолюцію съ „защитой отечества“. И онъ пытается, по нѣмецкому выраженію, hineininterpretieren (искусственно втолковать) въ эту резолюцію то, чего въ ней нѣтъ, онъ, можно сказать, насильственно вкладываетъ въ нее то содержаніе, которое ему нужно.

7 сентября 1907 года Жоресъ передъ собраніемъ самыхъ передовыхъ парижскихъ рабочихъ давалъ отчетъ о Штуттгартскомъ конгрессѣ. На этомъ выдающемся собраніи въ Tivoli-Waux-Hall Жоресъ говорилъ:

„Не надо впадать въ недоразумѣнія. Въ Штуттгартѣ Интернаціоналъ высказался противъ войны и за

независимость націй, противъ кровавыхъ столкновеній и противъ предательскихъ нападеній деспотовъ и капиталистовъ, но — онъ въ то-же время высказался за національную оборону... Пароль Интернаціонала въ Штуттгартѣ былъ: противъ измѣны соціализму и рабочему классу, но и—противъ измѣны отечеству! Война войнѣ — всѣми средствами, легальными или революціонными — это такой-же долгъ соціалистовъ, какъ война за защиту національной независимости". [1])

По Жоресу выходитъ такъ, точно Штуттгартскій конгрессъ принялъ основное положеніе французской (Лиможской) резолюціи о „защитѣ отечества". На самомъ дѣлѣ, конгрессъ, какъ мы знаемъ, не принялъ его. И при данномъ положеніи вещей не могъ принять—по причинамъ, о которыхъ мы уже говорили.

Штуттгартская резолюція вплотную подошла къ той мысли, что „защита отечества" въ имперіалистской войнѣ есть обманъ народа. Это основное пріобрѣтеніе, сдѣланное въ Штуттгартѣ, Жоресъ своими фразами объ „измѣнѣ отечеству" сводитъ на нѣтъ.

Разумѣется, Штуттгартскій конгрессъ, какъ и всѣ соціалисты, признавалъ подлинную защиту отечества въ справедливой, національной войнѣ. Объ этомъ нѣтъ и спора. Но все значеніе Штуттгартской резолюціи было въ томъ, что въ ней—хотя и непослѣдовательно, безъ должной отчетливости и ясности — международному пролетаріату указывалось на то обстоятельство, что надвигающіяся войны будутъ не національными,

---

[1]) См. книгу Шарля Раппопорта „Жанъ Жоресъ", Paris 1915, 266, 267. Книга эта, кстати сказать, представляетъ собой панегирикъ не только Жоресу, но и жоресизму. Авторъ точно никогда и не слышалъ о томъ, что жоресизмъ это и есть—оппортунизмъ на французской почвѣ...

не справедливыми, а—имперіалистскими, нечестивыми войнами, что вся ближайшая эпоха несетъ намъ цѣлый рядъ такихъ реакціонныхъ, анти-освободительныхъ войнъ.

На это различіе нѣтъ и намека въ „комментаріяхъ" Жореса. Онъ предпочитаетъ говорить противъ „измѣны отечеству" вообще.

И, между прочимъ, такими комментаріями къ Штуттгарту Жоресъ настежь раскрываетъ ворота нынѣшнимъ Реноделямъ и Самба. Имъ остается только „доказать", что за національную независимость боремся „мы", а нападаютъ „они", имъ только надо сослаться на слова Жореса противъ „измѣны отечеству", чтобы ихъ дѣло съ этой точки зрѣнія было выиграно.

На самомъ дѣлѣ весь духъ штуттгартской резолюціи противорѣчитъ тѣмъ положеніямъ, котрыя post factum старался втиснуть въ нее покойный Жоресъ.

Въ томъ-же докладѣ Жоресъ говорилъ:

— „Когда Бебель сказалъ, что, если бы какая нибудь нація при какихъ угодно обстоятельствахъ напередъ отказалась защищаться — она этимъ играла-бы на руку правительствамъ насилія, варварства, реакціи; когда Вандервельдъ и Бебель говорили это, они только повторили то, что сказалъ Лиможъ, а раньше, Нанси (т. е. франц. соц. конгрессы въ Лиможѣ и Нанси), то, что я самъ во время партійныхъ дискуссій не разъ ставилъ на видъ Густаву Эрве". [1])

Жоресъ правъ. И онъ, и Бебель дѣйствительно не разъ дѣлали такія заявленія. Если намъ „напередъ" отказаться отъ „національной обороны", то вѣдь это

([1] Jean Jaurés, 266.

значитъ чрезвычайно поощрить военную партію въ Пруссіи — говорилъ Жоресъ. Если намъ „напередъ“ отказаться отъ „защиты отечества“ то вѣдь это значитъ чрезвычайно поощрить шовинистовъ во Франціи и Англіи — говорилъ Бебель. Но было еще третье мнѣніе: отказаться отъ „защиты отечества“ въ имперіалисткихъ войнахъ должны одновременно соціалисты всѣхъ странъ, весь Интернаціоналъ. Тогда падаетъ соображеніе о поощреніи шовинистовъ другой страны, тогда никто не будетъ „играть на руку правительствамъ насилія, варварства, реакціи“.

Къ этой точкѣ зрѣнія вплотную подошли революціонные марксисты на Штуттгартскомъ конгрессѣ. И она нашла себѣ—хотя и очень неполное—отраженіе въ резолюціи самаго конгресса. Жоресъ изобразилъ дѣло въ корнѣ не вѣрно.

VI. Предложеніе Кейръ-Гарди — Вальяна подъ угломъ зрѣнія оборонительной войны. Плехановъ противъ жоресизма и за вооруженное возстаніе.

Въ 1910 году въ Копенгагенѣ мы видѣли повтореніе Штуттгарта — въ маленькомъ масштабѣ.

Формальная побѣда опять осталась за нѣмцами. Но нѣмцы далеко не выступили съ открытымъ забраломъ и не высказали того, что есть. Отъ ихъ имени говорили не Фольмаръ, не Легинъ и не Давидъ, оппортунистическіе взгляды которыхъ въ дѣствительности господствовали въ германской с.-д. партіи. Отъ ихъ имени — и отъ имени всей комиссіи конгресса — выступилъ каутскіанецъ Ледебуръ. Онъ наговорилъ пацифистскихъ фразъ о „разоруженіи“ и „третейскихъ

судахъ“ (хотя тутъ-же призналъ, что „за учрежденіе третейскихъ судовъ высказываются, какъ извѣстно, также всѣ буржуазныя, даже монархическія и аристократическія партіи“). Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ рядъ очень здравыхъ мыслей о войнахъ современной эпохи. „Кто, говорилъ Ледебуръ, вызываетъ нынѣ войны? Вѣдь — правящіе классы, капиталисты, заинтересованные въ военныхъ поставкахъ, всѣ эти Круппы, Армстронги или какъ ихъ тамъ еще зовутъ... Стремленіе подчиять себѣ чужіе народы и эксплуатировать ихъ — вотъ экономическая причина современныхъ войнъ“.[1]) Защищая право націй на самоопредѣленіе, Ледебуръ говорилъ, о томъ, что «Германія угнетаетъ не только поляковъ и датчанъ, но и французское населеніе Эльзасъ-Лотарингіи»... „Мы требуемъ — заявлялъ онъ свободного самоопредѣленія — для всѣхъ народовъ, не только въ Европѣ, но и въ Азіи и въ Африкѣ“. (31).

Наиболѣе горячія пренія разыгрались вокругъ извѣстнаго предложенія Кейръ-Гарди и Вальяна. Это предложеніе гласило:

— „Среди всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя должны быть примѣнены для предупрежденія войнъ, конгрессъ считаетъ особенно цѣлесообразнымъ — общую стачку рабочихъ, главнымъ образомъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя поставляютъ матеріалы для войны (оружіе, амуниція, средства транспорта и т. д.) Столь-же необходимы — агитація и акція въ народѣ, при томъ — самыми энергичными средствами“ (32).

Предложеніе Вальяна-Кейръ-Гарди опять-таки бросаетъ яркій свѣтъ на противорѣчивость позиціи старыхъ

---

[1]) Протоколы Копенг. Конгресса, 1910, 29.

вождей 2-го Интернаціонала, нынѣ перешедшихъ на точку зрѣнія соціалъ-шовинизма. Въ самомъ дѣлѣ. Взглянемте на это предложеніе подъ угломъ оборонительной войны и защиты отечества. Могли ли люди, послѣдовательно отстаивающіе и въ нынѣшнее время, необходимость защиты отечества въ „оборонительной“ войнѣ, внести такое предложеніе, какое внесли Вальянъ и Кейръ-Гарди? Если-бы они были послѣдовательны въ своей приверженности къ теоріи оборонительной войны, они должны были-бы сказать: мы предлагаемъ, чтобы для борьбы противъ войны рабочіе прибѣгли къ стачкѣ, — но только въ тѣхъ странахъ, которыя напали или готовятся напасть, только въ тѣхъ государствахъ, которыя являются стороной нападающей. Въ „обороняющихся“-же странахъ рабочіе должны „защищать отечество“, а не стачки устраивать.

Почему, однако Вальянъ и Кейръ-Гарди этого не сказали? Потому, что и они болѣе или менѣе ясно сознавали, что этого дѣленія въ предстоящей имперіалистской войнѣ провести нельзя. Потому, что и они, если не сознавали, то смутно предчувствовали, что предстоящія войны будутъ не справедливыми, а — нечестивыми войнами. И таково-же было настроеніе большинства конгресса. Ни противники, ни сторонники Вальяна-Гарди и не заикнулись о томъ, что оно не вяжется съ теоріей оборонительной войны.

Нѣмцы — въ томъ числѣ и Ледебуръ — оспаривали это предложеніе. Аргументы въ основномъ были тѣ-же, что у Бебеля противъ Жореса и Вальяна въ 1907 году. Ледебуръ оспаривалъ за англичанами моральное право вносить такія предложенія до тѣхъ поръ пока англійскіе соціалисты сами голосуютъ за военные кредиты. И онъ былъ правъ противъ англійскихъ оп-

портунистовъ и соціаль-джингоистовъ типа Гайндмана. Кейръ-Гарди отвѣчалъ на это архи-оппортунистическими соображеніями въ томъ смыслѣ, что „вопросъ о голосованіи за бюджетъ не есть вопросъ принципа, а — чисто практическій и тактическій вопросъ“ (37). (Въ этомъ мѣстѣ рѣчи тогдашнее нѣмецкое „меньшинство“, т. е. откровенные сторонники вотированія бюджета, вмѣстѣ съ англійскими и французскими оппортунистами прервали Кейръ-Гарди бурными апплодисментами). Шовинистскія мнѣнія Гайндмана и Блэчфорда Кейръ-Гарди объявилъ (глубоко ошибочно!) чисто единичными, не имѣющими никакого вліянія среди англійскихъ соціалистовъ.

Отъ имени англійской с.-д. партіи (теперешняя „Британская Соціалистическая Партія“ Jones заявилъ, что британская секція единогласно поддерживаетъ предложеніе Вальяна-Кейръ-Гарди. „Въ Англіи — сказалъ этотъ ораторъ — приходится воспитывать для борьбы противъ войны не столько рабочій классъ, сколько нѣкоторыхъ вождей рабочаго класса. Вѣдь 1/6 часть всѣхъ депутатовъ Labour Party голосовала за увеличеніе морского бюджета“.

Реннеръ отъ имени австрійскихъ с.-д. повторялъ аргументы нѣмцевъ, разбавляя ихъ изрядной дозой откровеннаго оппортунизма. Французское большинство энергично поддерживало предложеніе Вальяна и Кейръ-Гарди.

Въ результатѣ предложеніе не было принято, но и не было отвергнуто конгрессомъ. Обѣ стороны согласились передать его на предварительное обсужденіе Международному Соціалистическому Бюро съ тѣмъ, чтобы вопросъ вновь былъ поставленъ на ближайшемъ международномъ конгрессѣ.

Марксистскіе элементы другихъ націй (напр., русскіе с.-д.), будучи въ принципѣ за революціонныя дѣйствія, не поддерживали предложенія Вальяна и Кейръ-Гарди. Они вкладывали революціонный смыслъ въ слова: „всѣми средствами". Они считали, что это включаетъ не только стачку но и болѣе сильныя средства... Они думали, что и большинство германской соціалъ-демократіи стоитъ на такой-же точкѣ зрѣнія.

Эти взгляды русскихъ (и не только русскихъ) марксистовъ послѣ Копегагенскаго конгресса подробно изложилъ Плехановъ, который тогда не былъ еще союзникомъ г. Петра Струве. Эта статья Плеханова теперь, забыта. Поэтому мы приведемъ здѣсь изъ нея нѣсколько основныхъ выписокъ.

„Кейръ-Гарди, писалъ въ 1910 г. Плехановъ — несомнѣнно, весьма почтенная личность. Но эта несомѣнно почтенная личность стоитъ во главѣ одной изъ самыхъ оппортунистическихъ партій, какія то только существуютъ въ нынѣшнемъ соціалистическомъ мірѣ. Точно также и Вальянъ — чрезвычайно почтенный человѣкъ. Но этотъ чрезвычайно почтенный человѣкъ принадлежитъ къ оппортунистскому болшинству французской ссціалистической партіи. Вожакомъ этого большинства является тотъ-же Жоресъ. А что представляетъ собою Ледебуръ? Одного изъ самыхъ видныхъ представителей революціоннаго марксизма въ Германіи. Стало быть, если мы повѣримъ наивнымъ людямъ, то у насъ выйдетъ, что въ Копенгагенѣ германскій марксизмъ пересталъ быть революціоннымъ, между тѣмъ какъ въ защиту революціонной традиціи ополчились англійскіе и французскіе оппортунисты. Вѣроятно-ли это? И не вѣроятно, и не возможно. Такъ въ чемъ-же дѣло? Вотъ въ чемъ...

„Еслибы копенгагенскій съѣздъ постановилъ, какъ этого хотѣли Кейръ-Гарди и Вальянъ, что на объявленіе войны пролетаріатъ долженъ отвѣчать стачкой, то въ Англіи его рѣшеніе имѣло-бы значеніе лишь добраго совѣта, которому могли-бы послѣдовать, а могли-бы и не послѣдовать профессіональные союзы. То-же приходится сказать и о Франціи, гдѣ вліяніе соціализма.. — тоже слабо...

„Правда, французскіе синдикалисты очень сочувственно отнеслись къ предложенію Кайръ-Гарди и Вальяна. Но кому-же неизвѣстно, что „всеобщія стачки", декретируемыя французскими синдикалистами, никогда не бываютъ болѣе страшными, чѣмъ маленькая буря въ небольшомъ стаканѣ воды? Поэтому и для Франціи постановленіе копенгагенскаго съѣзда осталось-бы лишь добрымъ совѣтомъ. Люди которые стали бы повторять этотъ совѣтъ во Франціи и въ Англіи, не создавали-бы этимъ никакихъ практическихъ затрудненій для своей партіи, а въ то-же время они подготовили-бы себѣ не малый успѣхъ на выборахъ. Французскій избиратель сильно побаивается „пруссаковъ", и та партія, которая возвѣстила бы ему, что благодаря ей, „пруссаки" воевать не рѣшатся, была-бы встрѣчена съ распростертыми объятіями. Вотъ почему руководимое Жоресомъ оппортунистическое большинство французской соціалистической партіи такъ настойчиво требуетъ отъ международныхъ соціалистическихъ съѣздовъ „практическихъ", „конкретныхъ" рѣшеній по вопросу о войнѣ...

„А Германія? На ея пролетаріатъ соціализмъ имѣетъ уже огромное вліяніе. И если-бы нѣмецкая соціаль-демократическая партія сказала: „на войну надо отвѣчать стачкой", то это значило-бы, что она прини-

маетъ на себя опредѣленное практическое обязательство, а не только даетъ добрый совѣтъ, относительно котораго еще совершенно неизвѣстно захочетъ-ли его принять рабочій классъ... Не удивительно, что наши нѣмецкіе товарищи, смотрящіе на постановленіе о стачкѣ не какъ на добрый совѣтъ, а какъ на серьезнѣйшее практическое обязательство, спрашиваютъ себя прежде чѣмъ голосовать за такое предложеніе: можно-ли быть напередъ увѣреннымъ, что въ случаѣ объявленія войны всегда будутъ на лицо необходимыя для стачки конкретныя условія? Объ этомъ въ самомъ дѣлѣ стоитъ подумать серьезнымъ людямъ. Но когда серьезные люди начинаютъ думать объ этомъ, тогда пустые крикуны, вродѣ извѣстнаго Густава Эрве, обвиняютъ ихъ въ нерѣшительности, въ трусости, въ отсутствіи революціоннаго духа, въ шовинизмѣ и т. д. (См. «La Guerre Sociale» № 7, 13 Sept. 1910, ст. «Les socialistes allemands au pied du mur»)...

„Воевать съ войною надо не словомъ, а дѣломъ. Въ области же дѣла, состоящаго прежде всего въ организаціи массы и развитіи ея самосознанія, наши нѣмецкіе товарищи стоятъ впереди всѣхъ другихъ. И можно утверждать, не опасаясь ошибки, что именно германскій сознательный пролетаріатъ съумѣлъ-бы наилучшимъ образомъ использовать въ интересахъ революціи то положеніе, которое создалось-бы въ Европѣ войною, скажемъ, между Германіей и Англіей...

„Т. Лецебуръ, выступившій докладчикомъ по этому вопросу, былъ правъ, говоря что съѣздъ можетъ удовольствоваться штуттгартской резолюціей. Въ самомъ дѣлѣ, она гласитъ, что, въ случаѣ надобности соціалистическія партіи обязаны употребить въ дѣло всѣ средства, которыя имъ покажутся наиболѣе подходящими

для предупрежденія войны. Эта алгебрическая формула обобщаетъ всякія возможности, т. е., между прочимъ, возможность не только всеобщей стачки, но и вооруженнаго возстанія. А этого достаточно".[1])

Читатель не посѣтуетъ на насъ за эти длинныя выписки. Онѣ чрезвычайно поучительны.

Плехановское объясненіе мотивовъ Жореса и Вальяна нѣсколко грубовато. Дѣло было все таки не въ простой погонѣ за голосами на выборахъ. То объясненіе, которое мы дали позиціи французскаго большинства нѣсколькими страницами выше, кажется намъ болѣе правильнымъ. Но Плехановъ въ 1910 г. все таки былъ совершенно правъ, объясняя позицію Жореса-Вальяна не избыткомъ революціонности, а избыткомъ оппортунизма.

А позиція нѣмцевъ? Мнѣніе Плеханова (да и неодного Плеханова) о ней было, какъ мы видѣли, чрезвычайно благопріятно для нѣмецкой соціаль-дем. Увы! Мы не видѣли тогда, что она, избирая „алгебрическую" формулу, руководится совсѣмъ иными соображеніями, чѣмъ мы...

Разумѣется, многіе нѣмецкіе с.-д. руководились тогда хорошими соображеніями. Тотъ-же Ледебуръ и многіе другіе съ нимъ, вѣроятно, придерживались тогда тѣхъ взглядовъ, которые приводилъ въ ихъ пользу въ вышецитированной статьѣ Плехановъ. Но—но уже въ ту пору въ германской соціаль-демократіи оппортунисты (т. е. будущіе соціалъ-патріоты) имѣли большинство. Это показало положеніе дѣлъ въ связи съ вопросомъ о колоніальной политикѣ. Въ германской со-

---

[1]) «С.-Д.» № 17, окт. 1910 г. Ст. «Международный Соціалистическій Съѣздъ въ Копенгаг.» Журналъ «С. Д.» издавался въ 1910 г. въ Парижѣ подъ редакціей Ленина, Мартова, Зиновьева, Дана, какъ центральный органъ партіи.

ціаль-демократіи уже въ ту пору дѣйствительными хозяевами были, повторяемъ, не Ледебуръ и даже не Бебель, а—Легинъ, Зюдекумъ и Давидъ.

Плехановское истолкованіе алгебраической формулы „всѣми средствами“ въ томъ смыслѣ, что это значитъ больше, чѣмъ стачка,—было очень распространено среди почитателей германской соціаль-демократіи. Это было самое лучшее истолкованіе, которое ей можно было дать съ точки зрѣнія революціонеровъ.

Разумѣется, дѣло нисколько по существу не измѣнилось-бы, если бы на конгрессѣ принята была не эта алгебрическая формула германскихъ оппортунистовъ, а ариѳметическая формула французскихъ оппортунистовъ. Соціалъ-шовинисты остались-бы соціалъ-шовинистами. Но—ошибку надо признать. Мы оцѣнивали положеніе такъ, что германская соціал-демократія будетъ бороться всѣми средствами противъ войны. На дѣлѣ оказалось чуточку по иному. Оффиціальная германская соціаль-демократія въ 1914-16 г. г. „всѣми средствами“ боролась за войну, „всѣми средствами“ (и еще кое-чѣмъ сверхъ того) служила имперіалистамъ своего „отечества“...

Что было-бы съ предложеніемъ Кейръ-Гарди и Вальяна, еслибы не разразилась война и 2-ой Интернаціоналъ не распался-бы? Самое вѣроятное, что съ тѣми или иными дипломатическими оговорками она была-бы принята на конгрессѣ, который долженъ былъ произойти въ 1914 году въ Вѣнѣ. За это особенно говоритъ копенгагенская рѣчь Вандервельде, предсѣдателя 2-го Интернаціонала, типичнаго представителя его большинства и одного изъ его главныхъ дипломатовъ. Защищая штуттгартское рѣшеніе и предложеніе Вальяна-Гарди, онъ говоритъ, что с.-д-тія уже не разъ

дѣйствовала въ его духѣ. „Такъ англійскіе товарищи протестовали противъ войны въ южной Африкѣ, такъ русская с.-д-тія, когда вспыхнула русско-японская война, прибѣгла не только къ всеобщей стачкѣ, но и къ революціи. А еще болѣе близкій примѣръ показали наши испанскіе братья, которые недавно оказали геройское сопротивленіе, когда ихъ правительство предприняло свой разбойничій набѣгъ. И это — несмотря на то, что испанскіе соціалисты являются одной изъ слабѣйшихъ секцій Интернаціонала. Во всякомъ случаѣ, заключаетъ Вандервельде, я прошу васъ не отклонять предложенія Вальяна-Гарди, за которое мы всѣ стоимъ... Я прошу васъ передать его ближайшему конгрессу не потому, что я считаю это предложеніе неправильнымъ и преждевременнымъ. Наоборотъ. Я прошу васъ объ этомъ потому, что я убѣжденъ—тогда оно будетъ принято единогласно“ (41).

Предложеніе было-бы принято. И все-таки на дѣлѣ все шло-бы по старому. При возникновеніи первой европейской имперіалистской войны, картина была-бы та-же самая, что въ 1914 году.

Развѣ и безъ этого предложенія мало было сказано громкихъ словъ? Развѣ мало дано обѣщаній, Аннибаловыхъ клятвъ?...

VII. 2-ой Интернаціоналъ въ годъ Балканской войны. „Le grande Pardon de Bale“.

Лучшимъ доказательствомъ того, что 2-ой Интернаціналъ—при всѣхъ его громадныхъ уступкахъ опортунизму — оффиціально не могъ уже провозглашать

точку зрѣнія „защиты отечества“ и оборонительной“ войны, служитъ его отношеніе къ балканскимъ войнамъ 1912/13. Въ этихъ войнахъ національный элементъ игралъ роль. Но онъ всецѣло заглушался имперіалистскими мотивами. Маленькіе народы были игрушками въ рукахъ имперіалистскихъ кликъ.

И никому въ Интернаціоналѣ и въ голову не приходило смотрѣть на эти столкновенія подъ угломъ зрѣнія „оборонительной войны“ и „защиты отечества“. Балканскіе соціалисты всѣ вотировали противъ кредитовъ и боролись противъ войны. Всѣ европейскіе соціалисты рукоплескали имъ за это, и никто и не подумалъ напомнить имъ, что они обязаны „защищать отечество“.

Почему? Потому, что всѣ понимали, что виновника войны надо искать въ имперіализмѣ.

Мы привели мнѣніе Каутскаго, высказанное въ 1907 году. Мы приведемъ теперь мнѣніе другого виднаго представителя марксистскаго „центра“ — Отто Бауэра. Въ его, во многихъ отношеніяхъ превосходной, работѣ „Балканская война и нѣмецкая міровая политика“, онъ въ концѣ 1912 года писалъ: —«противъ имперіализма»! Вотъ лозунгъ дня. Сербскій пролетаріатъ долженъ бороться противъ покушеній Сербіи на Албанію, австро-венгерскій пролетаріатъ долженъ бороться противъ покушеній Австро-Венгріи на Сербію, русскій пролетаріатъ долженъ бороться противъ натравливанія на Австро-Венгрію. А пролетаріатъ Германіи и Италіи Франціи и Англіи всѣми силами долженъ сопротивляться тому, что ему предлагаютъ проливать кровь изъ за сербско-австрійскаго конфликта!

„Противъ имперіализма! Такимъ останется лозунгъ международнаго пролетаріата... Руки прочь отъ Азіи—

таковъ долженъ быть лозунгъ германскаго пролетаріата".[1])

Итакъ, во время балкано-турецкой войны марксисты „центра" тоже понимали, что дѣло не въ „оборонительномъ" критеріи, дѣло не въ „защитѣ отечества", а — дѣло въ имперіализмѣ. Не „защита отечества", а — противъ имперіализма!—таковъ былъ ихъ пароль тогда. А между тѣмъ война 1914/16 г. носитъ несомнѣнно еще болѣе рѣзко выраженный имперіалистскій характеръ и національный элементъ играетъ въ ней ужъ совершенно ничтожную роль. Что-же измѣнилось? Измѣнилось только то, что въ 1912/13 г. воева́ли „они", а въ 1914/16 г. г. воюемъ „мы", воюютъ наши „отечества"...

Въ общемъ манифестѣ, выпущенномъ въ 1912 году турецкими и балканскими соціалистами, говорилось не о „защитѣ отечества", а — о борьбѣ противъ имперіалистскихъ „великихъ" державъ.

— «Война на Балканахъ носитъ въ себѣ неизбѣжную опасность нарушенія общеевропейскаго мира, и мы (т. е. турецкіе и балканскіе соціалисты) находимся только на аванпостахъ. Пробуждая капиталистическіе аппетиты великихъ державъ, отдавая политическую жизнь въ руки жадныхъ до добычи имперіалистскихъ элементовъ, она (балканская война 1912 г.) можетъ вызвать не только конфликтъ между націями, но еще и — гражданскую войну".[2])

Такъ писали турецкіе и балканскіе соціалисты въ манифестѣ, который былъ напечатанъ въ бюллетенѣ Международнаго Соціалистическаго Бюро (IX, 4). И

[1]) Otto Bauer. «Der Balkankrieg und die deutsche Weltpolitik» Berlin, 1912. Verwl. «Vorärts», стр. 49.

[2]) См. Собраніе документовъ въ „Архивѣ" Грюнберга 1915, 3 Heft, 389.

весь Интернаціоналъ выказывалъ имъ полную солидарность. Въ статьѣ по поводу Базельскаго конгресса Каутскій разсказываетъ, что однимъ изъ главныхъ стимуловъ для созыва самаго этого конгресса было желаніе—выразить сочувствіе балканскимъ и турецкимъ соціалистамъ, желаніе оказать имъ моральную поддержку. А между тѣмъ съ точки зрѣнія „защиты отечества“ и „оборонительной“ войны ужъ, во всякомъ случаѣ, одна сторона—либо турецкіе, либо балканскіе соціалисты—заслуживали не поддержки, а самаго суроваго порицанія—такого порицанія, съ которымъ, напр., г. Плехановъ обращается теперь по адресу нашихъ сербскихъ товарищей.

Большинство европейскихъ с.-д. партій измѣнили въ 1914 году знамени Интернаціонала, но балканскіе соціалисты остались ему вѣрны и теперь. Сербскіе с.-д. вотировали противъ кредитовъ, боролись противъ войны.

Австрія выступила въ роли душительницы національной революціи южнаго славянства. Если гдѣ еще можно было въ извѣстномъ смыслѣ говорить о защитѣ національно-освободительныхъ интересовъ, то, можетъ быть, только въ Сербіи. „Если с.-д-тія вообще имѣла гдѣ-бы то ни было право голосовать за войну, то въ первую голову—въ Сербіи“—пишетъ сербскій соціалистъ т. Душанъ Поповичъ. Но — продолжаетъ онъ — „для насъ было рѣшающимъ то обстоятельство, что австро-сербская война есть лишь маленькая частица, есть лишь увертюра къ міровой европейской войнѣ, которая по нашему глубокому убѣжденію является рѣзко выраженной имперіалисткой войной“. „Мы доказывали — пишетъ другой представитель сербской с.-д-тіи, Т. Кацлеровичъ—что Сербія съ ея національ-

ными стремленіями и ея территоріей станетъ только размѣнной монетой при разсчетахъ между европейскими имперіалистскими державами... мы доказывали, что сербская буржуазія хочетъ въ этой войнѣ реализовать „великую Сербію“, „великое южнославянское государство“ и что поэтому она ведетъ не національную, а завоевательную войну“...

Маленькая сербская с.-д. партія только напомнила большимъ „руководящимъ“ европейскимъ с.-д. партіямъ тѣ элементарныя истины, которыя партіи эти сами высказывали десятки разъ. На простые и ясные доводы сербскихъ с.-д. „европейскіе“ соціалъ-шовинисты не смогли рѣшительно ничего возразить.

Еще больше, чѣмъ заявленія отдѣльныхъ авторитетныхъ вождей и отдѣльныхъ с.-д. партій, показательны оффиціальныя выступленія 2-го Интернаціонала какъ цѣлаго, въ связи съ балканскими войнами 1912-13 г. г. Гдѣ найдете вы въ нихъ хотя-бы единое словечко въ духѣ „защиты отечества“ или „оборонительной“ войны? Особенно авторитетнымъ документомъ является, конечно, единогласно принятая резолюція чрезвычайнаго международнаго конгресса въ Базелѣ. Базельскій манифестъ писанъ именно въ ожиданіи той самой общеевропейской войны, которая разразилась теперь. Онъ исходилъ изъ того, что это будетъ имперіалисткая война, вызванная столкновеніемъ различныхъ кликъ европейскаго финансоваго капитала. Манифестъ разбираетъ подробно положеніе соціалистовъ въ каждой странѣ. Онъ даетъ программу дѣйствій для соціалистовъ всѣхъ странъ. И что-же? Есть-ли тамъ хоть допущеніе мысли о томъ, что соціалисты какихъ-либо изъ странъ, которыя будутъ втянуты въ войну, должны будутъ „защищать отечество“, примѣнять кри-

терій „оборонительной“ войны? Ни слова, ни звука въ этомъ духѣ! Вы найдете въ этомъ документѣ призывъ къ организаціи гражданской войны, ссылки на Коммуну, на 1905-ый годъ и т. п. Но вы не найдете тамъ ничего относительно „оборонительной“ войны.

Да, наканунѣ имперіалистской войны это, повторяемъ, и не могло быть иначе—пока европейскіе „соціалисты“ не перешли открыто на точку зрѣнія націоналъ-либерализма...

Мы можемъ не распространяться подробнѣе о базельской резолюціи—она достаточно хорошо извѣстна. Не только резолюція, но и рѣчи, произнесенныя на этомъ конгрессѣ, являются самымъ убѣдительнымъ обвинительнымъ актомъ противъ «новаго курса» нынѣшнихъ соц.-шовинистовъ. Что пролетаріатъ отвѣтитъ на войну революціей — этимъ въ своихъ рѣчахъ на конгрессѣ угрожали европейской буржуазіи не только Жоресъ, Гаазе, Кейръ-Гарди, Цеткина, Вальянъ. Даже архи-осторожный и архи-умѣренный Викторъ Адлеръ вопрошалъ въ своей рѣчи: „Да развѣ пролетаріи въ самомъ дѣлѣ теперь бараны, чтобы они, какъ нѣмые, позволили повести себя на бойню?“ И онъ прибавлялъ: „Близокъ часъ, когда пролетаріатъ подыметъ свой голосъ, чтобы бросить въ лицо обвиненіе, и наступаетъ моментъ, когда пролетаріатъ будетъ также имѣть въ рукѣ тотъ мечъ, который нуженъ для того, чтобы привести приговоръ въ исполненіе“. [1])

Простая перепечатка рѣчей, произнесенныхъ вождями 2-го Интернаціонала, показала-бы въ самомъ яркомъ свѣтѣ чудовищную измѣну, совершенную теперь большинствомъ этихъ вождей...

---

[1]) Протоколы Базельскаго конгресса, нѣм. изд., стр. 18, 19.

Штуттгартскій конгрессъ принялъ одно изъ основныхъ положеній революціонныхъ марксистовъ, стоящее теперь нѣмымъ урокомъ всему поведенію главныхъ партій 2-го Интернаціонала.

Въ Копенгагенѣ мы видѣли новыя колебанія въ сторону оппортунизма. Конгрессъ принимаетъ формулировки, которыя теперь используются соціалъ-шовинистами для оправданія „новаго курса".

Базельскій манифестъ составлялся тогда, когда всеевропейская имперіалистская война надвигалась вплотную. Базельское рѣшеніе было не хуже, а лучше штуттгартскаго. Каждое его слово есть пощечина для нынѣшней тактики „руководящихъ" партій 2-го Интернаціонала.

И тѣмъ не менѣе—чаша 4-го августа 1914 года не миновала насъ.

Второй Интернаціоналъ такой, какой онъ былъ, былъ безнадеженъ — сколько-бы хорошихъ резолюцій онъ ни принималъ.

Это, однако, вовсе не значитъ, что эти резолюціи не имѣли никакого значенія. Это не значитъ, что въ нынѣшней борьбѣ съ соціалъ-шовинистами интернаціоналисты должны „прощать" имъ принятыя резолюціи, не ссылаться на нихъ, не требовать къ отвѣту людей, присягавшихъ этимъ резолюціямъ и теперь цинично имъ измѣнившихъ.

Въ прекрасной книжкѣ „Имперіализмъ, міровая война и с.-д-тія" голландскій марксистъ Германъ Гортеръ говоритъ:

„Кто близко зналъ положеніе вь международной соц.-демократіи, тотъ давно уже видѣлъ, что это (кризисъ, политика, 4 авг.) надвигается. Конгрессъ въ Штуттгартѣ былъ послѣднимъ конгрессомъ, на кото-

ромъ серьезно занята была позиція противъ имперіализма. Но уже въ Копенгагенѣ начались колебанія, а въ Базелѣ обратились въ бѣгство.

„Казалось: чѣмъ сильнѣе становился имперіализмъ, чѣмъ больше становилась опасность войны, чѣмъ ближе она надвигалась, тѣмъ боязливѣе становился Интернаціоналъ. Въ Базелѣ раздавались еще трубные звуки. Но изъ громкихъ фразъ Жореса, изъ пустыхъ угрозъ Кейръ-Гарди, изъ трусливыхъ всхлипываній Виктора Адлера о гибели культуры, изъ блѣдныхъ, ничего не говорящихъ словъ Гаазе, изъ самодовольнаго шума и треска на всемъ конгрессѣ — изъ всего этого уже явно проглядывало отсутствіе желанія, стремленія силы, къ какому-либо дѣйствію... Буржуазія, которая, благодаря собственному разложенію, имѣетъ хорошее чутье насчетъ моральной гнилости вообще, сію же минуту нюхомъ почуяла гнилость конгресса и Интернаціонала. Она почувствовала, что со стороны этого конгресса ей ничего не угрожаетъ“. [1])

Въ этихъ словахъ голландскаго марксиста много правды. Буржуазія дѣйствительно чуяла слабость 2-го Интернаціонала и знала, что со стороны вѣрнопреданнаго ей оппортунистическаго большинства никакой опастности ей не угрожаетъ. Нынѣшній министръ Самба въ его книгѣ „Faites un Roi“, вышедшей незадолго послѣ Базеля, разсказываетъ съ какой ироніей французскіе буржуа говорили о Базельскомъ конгрессѣ, называя его „le Grande Pardon de Bale“. Что-то гнило въ царствѣ датскомъ — это предчувствіе, съ другой стороны, было и у многихъ соціалистовъ. Но — не

---

[1]) Hermann Gorter, Der Imperialismus, der Weltkrieg und die Sozialdemokratie, Amsterdam 1915, S. 21.

будемте крѣпки заднимъ умомъ. Признаемъ честно: никому изъ насъ не приходило въ голову, что возможно нѣчто хоть отдаленно похожее на то, чего мы стали свидѣтелями 4-го августа 1914 года... Не вѣрно, будто въ Базелѣ обратились въ бѣгство. Въ бѣгство оффиціальныя с.-д. партіи „Европы“ обратились только 4-го августа 1914 года. Въ Базелѣ рабочимъ массамъ ни слова не было сказано о „защитѣ отечества“ въ предстоящей войнѣ. Наоборотъ, въ Базелѣ пролетаріямъ всего міра было сказано о примѣрѣ Коммуны, о примѣрѣ „пятаго“ года, о томъ, что „стрѣлять другъ въ друга есть преступленіе“, о томъ, что надвигающаяся война есть война изъ за интересовъ кучки капиталистовъ.

Пусть не поймутъ насъ ложно. Мы вовсе не отрицаемъ правильности той суровой характеристики вожаковъ, задававшихъ тонъ на Базельскомъ конгрессѣ, которую даетъ Гортеръ. Мы знаемъ, что оппортунисты всѣхъ странъ не вѣрили въ революцію. Мы очень ясно представляемъ себѣ, какъ происходило дѣло въ той дипломатической кухнѣ 2-го Интернаціонала, гдѣ стряпалась базельская резолюція. Мы знаемъ такъ-же, какъ и коллега Гортеръ, что тѣ, кто занимался этой стряпней въ Базелѣ, мало вѣрили въ то, что сами говорили въ своемъ манифестѣ. Мы тоже видали въ свое время мастеровъ „сихъ дѣлъ“ и превосходно представляемъ себѣ, «какъ это дѣлается». Все это такъ. Но — серьезный вопросъ заключается въ томъ, что же именно все таки было сказано Базельскимъ конгрессомъ рабочимъ массамъ всего міра. Ибо рабочіе-соціалисты вѣдь искренно вѣрили тогда каждому слову Интернаціонала. Они то приняли базельскій манифестъ за чистую монету. И дальнѣйшій вопросъ

заключается въ томъ—почему даже дипломаты оппортунизма должны были говорить массамъ именно это, а не что-либо другое — не то, совсѣмъ не то, что они говорятъ имъ теперь.

Мы говоримъ это не къ оправданію Адлеровъ и Вандервельдовъ, Шейдеманновъ и Реноделей. Напротивъ! Тѣмъ больше ихъ вина, тѣмъ глубже ихъ паденіе, тѣмъ позорнѣе ихъ измѣна.

VIII. 2-ой Интернаціоналъ за 48 часовъ до нынѣшней войны. Эрве. Жоресъ. Французскіе синдикалисты.

Ничто такъ не разоблачаетъ нынѣшнее позорное поведеніе соціалъ-шовинистовъ всѣхъ странъ, какъ тѣ заяавленія, которыя дѣлали они сами въ теченіе самыхъ послѣднихъ дней передъ оффиціальнымъ объявленіямъ войны 1914 года. Количество еще не перешло въ качество. По инерціи даже нынѣшніе вожди соціалъ-шовинистовъ продолжали еще говорить то, что есть.

О чемъ-же говорили тогда главные органы европейскаго соціализма, с.-д. депутаты, центральные комитеты, проффессіональные союзы? Не о „защитѣ отечества“— во всякомъ случаѣ! Они говорили о томъ, что это будетъ имперіалисткая, т. е. грабительская война, они говорили о томъ, что война эта направлена противъ интересовъ рабочаго класса, они говорили о томъ, что кровь милліоновъ рабочихъ будетъ пролита за чужое дѣло...

Плехановъ и другіе шовинисты „согласія“ очень любятъ для доказательства своей правоты цитировать заявленія германскихъ с.-д. наканунѣ войны — заяв-

ленія „Vorwäts“'а о томъ, что австрійскій ультиматумъ Сербіи есть сознательная провокація войны, заявленія правленія партіи о томъ, что война нужна германскимъ имперіалистамъ. Словъ нѣтъ, эти заявленія нужно почаще напоминать рабочимъ. Но — столь-же часто нужно напоминать имъ и заявленія, которыя дѣлались въ эти дни оффиціальными французскими соціалистами.

Эрве, тотъ самый Эрве, который теперь пьянъ отъ шовинизма, который печатаетъ статьи подъ заглавіемъ „Да здравствуетъ царь“, — этотъ самый Эрве писалъ 28 іюля 1914 года:

— „Война для защиты маленькой націи, угнетаемой великой державой? Это было-бы слишкомъ хорошо! Но давно уже въ Европѣ... нѣтъ ни одной великой державы, у которой руки не были-бы въ крови.

„Нѣтъ, не война для защиты маленькаго сербскаго народа, но — война для защиты престижа нашего союзника, царя.

„Честь нашего союзника! Честь русскаго правительства! При одномъ этомъ словѣ Раблэ, Вольтеръ, Викторъ Гюго перевернутся въ гробу... Русское правительство не было такъ чувствительно насчетъ своей чести, когда оно душило Финляндію и Польшу, когда оно спускало свои черныя сотни на еврейское населеніе Кіева и Одессы!

„Биться въ имя спасенія престижа царя! Какой превосходный мотивъ для народа, котораго предки сдѣлали великую революцію! Какая радость умереть за такое благородное дѣло!“ [1])

За 3 дня до начала войны даже Эрве еще зналъ

---

[1]) La Guerre Sociale, 28/VII 1914.

что французскіе рабочіе будутъ бить я не за «демократію», не за „революціонную Францію“ а прежде всего — за кроваваго царя.

Въ тотъ-же день генеральный совѣтъ французской соціалистической партіи въ манифестѣ, подписанномъ Жоресомъ, Гэдомъ, Вальяномъ, Самба, Реноделемъ, Эрве и др., говорилъ рабочимъ, что-готовящаяся война вызвана политикой имперіалистскаго грабежа. „Колоніальныя соревнованія, интриги и насилія имперіализма, политика грабежа у однихъ, политика амбицій и поддержанія престижа у другихъ — все это вотъ уже 10 лѣтъ какъ создало во всей Европѣ перманентное напряжеіе. постоянную и возрастающую опасность войны“. [1])

Центральный органъ синдикалистовъ писалъ 29 іюля 1914 года; Рабочіе! «Если вы не трусы, если вы не хотите, чтобы черезъ нѣсколько часовъ вашу страну бросили въ злѣйшую авантюру, какую-только можно себѣ представить», — протестуйте и т. д. [2])

А Жоресъ, за 4 дня до своей смерти, на публичномъ собраніи въ Vaise (около Ліона) передъ самымъ началомъ нынѣшней войны заявлялъ во всеуслышаніе, что это — имперіалистская война. Какъ честный демократъ, онъ не щадилъ тогда и своего собственнаго правительства. Онъ говорилъ прямо, что въ войнѣ виновата „колоніальная политика Франціи“ и „боящаяся свѣта“ иностранная

---

[1]) L'Humanité, 28/VII 1914.

[2]) La Bateille Syndicaliste, 27/VII 1914. Цитируемъ по превосходной коллекціи матеріаловъ въ «Архивѣ» Грюнберга.

политика царизма. Онъ рисовалъ слѣдующую картину:

— „Граждане! Нота, которую Австрія послала Сербіи, полна угрозъ... Германія заявляетъ черезъ своихъ пословъ, что она будетъ дѣйствовать солидарно съ Австріей... Однако, дѣло не только въ союзѣ между Австріей и Германіей, на сцену выступаетъ также тайный договоръ между Франціей и Россіей, договоръ, существенные пункты котораго извѣстны... Въ нынѣшній тяжелый моментъ, чреватый такими опасностями для всѣхъ насъ, для всѣхъ отечествъ, мнѣ не приходится долго искать виновниковъ... Когда мы (французскіе соціалисты) говорили, что проникать насильственно, вооруженной рукой, въ Марокко означаетъ открыть въ Европѣ эру столкновеній, захватовъ, и конфликтовъ, — намъ кричали, что мы плохіе французы. Вотъ она часть нашей (т. е. Франціи) отвѣтсвенности! Это становится еще яснѣе, если вы вспомните, что поводомъ къ борьбѣ между Австріей и Сербіей служитъ Босне-Герцеговинскій вопросъ и что, когда Австрія аннектировала Боснію-Герцеговину, мы, французы, не имѣли ни права ни силы воспротивиться этому... потому что мы заняты были въ Марокко, потому что, прощая чужіе грѣхи, мы старались такимъ путемъ добиться — прощенія нашихъ собственныхъ грѣховъ.

„И вотъ нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ тогда Австріи:

„Мы уступаемъ вамъ Боснію-Герцеговину съ условіемъ, что вы уступите намъ Марокко...

„И мы сказали Италіи:

„Ты можешь направить свои стопы въ Триполи,

поелику я забрался въ Марокко, ты можешь воровать въ другомъ концѣ улицы, пока я ворую на этомъ углу". [1])

Кажется, эти два коротенькихъ діалога, передающихъ по мнѣнію Жореса суть иностранной политики такихъ „великихъ" державъ, какъ Австрія, Франція, Италія, — достаточно краснорѣчивы...

Но слушайте дальше.

— „Россія пожелаетъ заступиться за сербовъ— продолжаетъ Жоресъ — и она станетъ, быть можетъ, говорить:

— „Моя душа великаго славянскаго народа не можетъ примириться съ тѣмъ, чтобы произведено было насиліе надъ маленькимъ славянскимъ народомъ Сербіи".

„Хорошо! Но — кто-же это нанесъ ударъ въ сердце Сербіи? Когда Россія вмѣшалась въ Балканскія событія, въ 1877 году, и когда она создала, съ позволенія сказать, «независимую" Болгарію съ намѣреніемъ наложить на нее руку, она (Россія) сказала тогда Австріи: дай мнѣ свободу дѣйствія, и я ввѣрю тебѣ за это управленіе въ Босніи-Герцеговинѣ...

„Во время извѣстнаго свиданія русскаго министра иностранныхъ дѣлъ съ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Россія сказала Австріи: я позволю тебѣ аннектировать Боснію-Герцеговину съ условіемъ, что ты позволишь мнѣ добиться

---

[1]) «Le causes de la gerre» Discours de Jean Jaurés, Avenir Socialiste, Lyon, I Août 1914. Imprimerie spéciale de la Fédération du Tonneau. Рѣчь эта приведена полностью также въ книгѣ Charles'я Rappoport'a «Jean Jaurès», L'Homme, Le Socialiste, Paris 1915. P. 83 и др.

выхода на черномъ морѣ, вблизи Константинополя". [1])

Подводя итогъ, Жоресъ говорилъ буквально:

„Колоніальная политика Франціи, боящаяся свѣта политика Россіи, насильническая воля Австріи — вотъ что содѣйствовало созданію того ужаснаго положенія, въ которомъ мы находимся".

И онъ дѣлаетъ практическій выводъ:

„Граждане! Если военная гроза разразится, всѣ мы, соціалисты, должны позаботиться о томъ, чтобы спастись возможно скорѣе отъ того преступленія, которое совершатъ правящіе классы"...

Мы не знаемъ, конечно, что сказалъ-бы Жоресъ послѣ начала войны. Революціонно-марксистскаго взгляда на вещи у него никогда не было. Но мы знаемъ, что онъ, какъ и всѣ вожди французскихъ соціалистовъ и синдикалистовъ, еще за 2-3 дня до начала войны клеймилъ французскихъ имперіалистовъ и русскаго царя, какъ виновниковъ войны. Даже у отъявленнѣйшихъ французскихъ оппортунистовъ не хватало еще въ то время безсовѣстности, чтобы объявить эту войну «справедливо» войной, національной обороной.

Не „защита отечества" была лозунгомъ германскихъ и французскихъ соціалистовъ, а — противъ имперіализма! Еще за пару дней до 4-го августа, когда вся картина была уже ясна, оффиціальныя соціалистическія партіи Франціи и Германіи говорили не о „защитѣ отечества" а — о защитѣ рабочихъ жизней отъ разбойниковъ-имперіалистовъ обѣихъ коалицій. Это была послѣдняя дань этихъ партій Интернаціоналу. И это лишнее доказательство того, что, только измѣнивъ

---

[1]) Ibid.

всѣмъ рѣшеніямъ Интернаціонала, оффиціальные „соціалисты“ Германіи и Франціи могли стать на ихъ нынѣшнюю точку зрѣнія.

IX. Взглядъ интернаціоналистовъ на защиту отечества.
Наши задачи.

Какова-же наша пропагандистская задача въ настоящее время?

Прежде всего сторонники 3-го Интернаціонала должны съ особенной ясностью поставить вопросъ о защитѣ отечества. Малѣйшая неясность въ этомъ вопросѣ способна принести громадный вредъ нашей агитаціи.

Соціалистъ обязанъ „защищать свое отечество“ во всякой войнѣ—вотъ основное положеніе соціалъ-шовинизма. Наиболѣе откровенные соціалъ-шовинисты выставляютъ это положеніе безъ всякихъ затушевываній. Пусть наше правительство неправо, пусть оно первое начало войну, пусть вся его иностранная политика до войны была ошибочной, болѣе того—преступной. Но—нельзя-же за ошибки или даже за преступленія правительства наказывать народъ. Разъ война стала фактомъ, разъ нашей странѣ угрожаетъ непріятельское вторженіе—мы должны защищаться. И это независимо отъ содержанія, цѣлей, смысла войны. Пораженіе моего отечества — самое величайшее изъ мыслимыхъ золъ. Поэтому: право или неправо мое отечество, оно—мое!

«Каковы-бы ни были причины войны, какъ-бы ни оцѣнивали мы исторію подготовки войны,... въ одномъ не можетъ быть сомнѣнія: нашъ высшій долгъ заклю-

чается въ томъ, чтобы защищать отечество (durchzuhalten)". Такъ говорилъ еще на дняхъ на партійной конференціи виднѣйшій дипломатъ международнаго соціалъ-шовинизма Викторъ Адлеръ[1].

Не всѣ соціалъ-шовинисты выражаются съ такой откровенностью. Большинство предпочитаетъ говорить о защитѣ «культуры», «свободы», о борьбѣ противъ милитаризма и пр. Но дѣйствуютъ они всѣ именно по этому принципу.

Такова позиція соціалъ-шовинизма.

Какъ-же отвѣчаютъ на это интернаціоналисты?

Мы не отвергаемъ защиту отечества вообще. Мы отвергаемъ т. н. „защиту отечества" въ имперіалистскихъ, т. е. реакціонно-капиталистическихъ войнахъ. Но мы и не ограничиваемся указаніемъ на тотъ безспорный фактъ, что данная война, война 1914-16 г. г., есть имперіалистская война. Мы выставляемъ основное положеніе, что въ нынѣшнюю имперіалистскую эпоху войны между „великими" державами по правилу и не могутъ быть иными.

Это не значитъ, однако, что мы вездѣ, всегда, при всѣхъ случаяхъ и на всѣ времена отвергаемъ защиту отечества и въ имперіалистскую эпоху.

Въ нашей статьѣ въ ном. 1-2 „Коммуниста" мы писали:

„Могли-ли имѣть мѣсто „справедливыя" войны въ эпоху національныхъ войнъ? Да, могли. Войны великой французской революціи были большей частью «справедливыми» войнами, итальянскія національныя войны были „справедливыми" войнами. А могутъ-ли имѣть мѣсто «справедливыя» войны теперь въ имперіалистскую эпоху?

«Да, могутъ. Но—только въ двухъ случаяхъ Первый

[1]) «Arbeiter-Zeitung», Wien, № 318, 16 ноября 1916.

— война побѣдившаго въ какой-либо странѣ пролетаріата, обороняющаго завоеванный соціалистическій строй противъ другихъ государствъ, отстаивающихъ, капиталистическій режимъ. Второй — война Китая, Индіи и т. п. странъ, служащихъ объектомъ угнетенія со стороны имперіализма, за свою независимость, противъ европейскихъ имперіалистскихъ правительствъ[1]).

„Справедливая" война между имперіалистскими европейскими правительствами невозможна, какъ невозможно представить себѣ „справедливую"—съ точки

[1]) Послѣдній тезисъ, быть можетъ, нуждается только въ нѣкоторомъ ограниченіи. Примѣръ: Персія во время имперіалистской войны 1914/16 г. г.

Извѣстно, что германскіе имперіалисты, играя на чувствахъ справедливой ненависти персовъ къ ихъ русско-англійскимъ угнетателямъ, чуть было не втянули въ 1915 году Персію въ войну. Либеральныя «Русскія Вѣдомости» такъ излагаютъ ходъ событій: «Въ сентябрѣ и октябрѣ 1915 г. персидское правительство, повидимому, серьезно обсуждало вопросъ о томъ, чтобы освободиться отъ англо-русскаго вліянія (!) путемъ союза съ Германіей и Турціей. Шахъ съ кабинетомъ и меджилисомъ уже собиралиеь покинуть слишкомъ близкій къ русской границѣ Тегеранъ. Но энергичныя представленія англо-русской дипломатіи—представленія, подкрѣпленныя (!) появленіемъ русскаго отряда подъ Тегераномъ — быстро положили конецъ колебанія шаха... Въ Персіи вспыхнула революція, въ центрѣ и на югѣ образовались революціонные комитеты... Это революціонное движеніе было, однако, прекращено русскими войсками въ теченіе зимы и весны 1916 г.» («Русск. Вѣд.». 28 іюля 1916 г.).

Какъ отнестись къ такому положенію вещей въ Персіи? Соціалисты, разумѣется, всей душой сочувствуютъ революціонному движенію въ Персіи, направленному противъ русско-англійскихъ имперіалистовъ. Но, еслибы Персія ориняла учаетіе въ войнѣ 1914/16 г. г., ставъ на сторону германской коалиціи, персидская война стала-бы только незначительнымъ эпизодомъ въ имперіалистской грабительской войнѣ. Объективно роль Персіи немногимъ отличилась-бы отъ роли Турціи въ войнѣ 1914/16 г. г.

зрѣнія честныхъ людей, а не самихъ разбойниковъ — борьбу между нѣсколькими разбойниками изъ-за дѣлежа награбленной добычи. Всякая другая война, кромѣ указанныхъ нами двухъ случаевъ, въ наше время неизбѣжно будетъ не справедливой, а нечестивой войной, войной имперіалистовъ между собой, войной финансово-плутократическихъ и династическихъ кликъ, войной, всегда враждебной рабочему классу всѣхъ странъ.

„Могла-ли въ „справедливыхъ" національныхъ войнахъ идти рѣчь о борьбѣ буржуазіи противъ пролетаріата, ставящаго на очередь соціалистическій переворотъ? Нѣтъ, не могла! А теперь въ имперіалистскихъ войнахъ, особенно всеевропейскаго масштаба, это одна изъ главныхъ задачъ международной буржуазіи.

«Въ двухъ случаяхъ и теперь возможны „справедливыя" войны. Но въ 1915 г. на лицо нѣтъ ни перваго, ни второго случая".

Такимъ образомъ, мы, разумѣется, признаемъ право на защиту для тѣхъ «отечествъ», которыя угнетаются имперіалистскими державами. Стремленіе колоній и полуколоній къ освобожденію изъ подъ ига „великихъ" державъ несомнѣнно заслуживаетъ поддержки со стороны соціалъ-демократіи.

Не понять разницы между этой подлинной защитой своего отечества и „защитой отечества", сводящейся къ тому, что имперіалистская буржуазія хочетъ закабалить новые народы или упрочить закабаленіе старыхъ,—не понять этой разницы можетъ только тотъ, кто не хочетъ ея понять.

Соціалъ-шовинистъ французской марки (хотя и нѣмецкаго происхожденія) г. Грумбахъ въ недавно вышедшей книжкѣ „Заблужденіе Циммервальда и Кин-

таля" цитируетъ изъ брошюры Ленина и Зиновьева („Соціализмъ и Война") слѣдующія строки:

— „Если-бы завтра, напр., Марокко объявила войну Франціи, Индія — Англіи, Персія или Китай — Россіи и т. п., это были-бы «справедливыя», «оборонительныя» войны, независимо отъ того, кто первый напалъ, и всякій соціалистъ сочувствовалъ-бы побѣдѣ угнетаемыхъ, зависимыхъ, неполноправныхъ государствъ противъ угнетательскихъ, рабовладѣльческихъ, грабительскихъ «великихъ» державъ".

И съ дѣланнымъ возмущеніемъ г. Грумбахъ возражаетъ по этому поводу:

— „Колоніямъ разрѣшается вести даже наступательныя войны... Когда-же величайшая республика Европы (Франція)... обороняется противъ вторгающихся армій феодальной германской монархіи, тогда говорятъ объ измѣнѣ соціализму» и т. д.[1]).

У „соціалиста", говорящаго такимъ образомъ, либо настолько мѣдный лобъ, что онъ сознательно притворяется непонимающимъ разницы между положеніемъ колоніи, борющейся противъ угнетателя, и положеніемъ „великой" державы, которая сама является угнетателемъ. Либо—соціалъ-шовинисты настолько погрязли въ буржуазной идеологіи, что у нихъ атрофировалось всякое соціалистическое чувство, что они просто перестаютъ понимать разницу между угнетателемъ и угнетаемымъ, рабовладѣльцемъ и его жертвой, капиталистомъ и рабочимъ, эксплуататоромъ и эксплуатируемымъ, локаутомъ и стачкой, революціоннымъ возстаніемъ и контръ-революціоннымъ подавленіемъ возстанія.

„Величайшая республика Европы" на каждые 100

---

[1]) «Der Irrtum von Zimmerwald-Kiental» 77.

кв. километровъ своей собственной метрополіи владѣетъ 1135 кв. килом. угнетаемыхъ ею колоній, изъ которыхъ финансовая олигархія Франціи высасываетъ кровь и соки. За упроченіе своего господства надъ этими колоніями, между прочимъ, и воюетъ нынѣ „величайшая республика Европы". А лакеи имперіалистовъ не понимаютъ въ чемъ разница между колоніями и ихъ поработителями!

Возмущаться тутъ излишне. Съ соціалъ-шовинистами мы просто говоримъ на различныхъ языкахъ. Они защищаютъ интересы буржуазіи, мы защищаемъ интересы пролетаріата. Но „аргументъ" г. Грумбаха только лишній разъ доказываетъ, насколько намъ необходима ясность въ вопросѣ о защитѣ отечества.

Онъ показываетъ, что, какъ губительно было-бы давать малѣйшую пощаду соціалъ-шовинистской игрѣ вокругъ понятія „защита отечества", такъ недопустимо было-бы проповѣдывать отказъ отъ защиты отечества вообще, на всякія времена, безотносительно къ характеру даннаго военнаго конфликта.

Слабость 2-го Интернаціонала заключается не въ томъ, что онъ вообще признавалъ принципъ защиты отечества. Для національныхъ войнъ этотъ принципъ былъ вѣренъ. Для возможныхъ войнъ, о которыхъ мы говорили выше, этотъ принципъ остается вѣренъ и сейчасъ.

Слабость 2-го Интернаціонала заключается въ томъ, что онъ не сказалъ ясно и точно: въ эпоху національныхъ войнъ защита отечества—законна и необходима; въ эпоху имперіалистскихъ войнъ—не примѣняй понятія „защита отечества" къ имперіалистской войнѣ.

И бѣда, несчастье и крахъ 2-го Интернаціонала заключается въ томъ, что оппортунизмъ—въ силу при-

чинъ, о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто—взялъ въ немъ верхъ и объективно подчинилъ главныя партіи 2-го Интернаціонала политикѣ буржуазіи, которая кровно заинтересована въ томъ, чтобы нечестивыя имперіалистскія войны выдавались рабочимъ за справедливыя и прогрессивныя...

Провозглашая необходимость создать 3-ій Интернаціоналъ, отказываемся-ли мы тѣмъ самымъ цѣликомъ и начисто отъ наслѣдства 2-го Интернаціонала?

— Задача революціонн. марксистовъ заключается въ томъ, чтобы показать, какъ въ теченіе всего 25-лѣтія существованія 2-го Интернаціонала въ немъ съ перемѣннымъ успѣхомъ боролись два основныхъ направленія: марксистское и оппортунистское. Мы не вычеркиваемъ всей исторіи 2-го Интернаціонала. Мы не отказываемся отъ того, что было въ немъ марксистскаго.

Отъ революціоннаго марксизма ушелъ рядъ теоретиковъ и «вождей», отъ революціоннаго марксизма отвернулись каутскіанцы всѣхъ странъ. Оппортунисты и «центръ» получили въ послѣдніе годы существованія 2-го Интернаціонала большинство надъ марксистами. Но, несмотря ни на что, революціонно-марксистское направленіе всегда существовало во 2-мъ Интернаціоналѣ. И отъ его наслѣдства мы не отказываемся ни на минуту.

Во время войны 1914-16 г. г. обанкротились оппортунизмъ, съ одной стороны, и анархизмъ и синдикализмъ—съ другой. Война была громаднымъ ударомъ соціализму. Но ея положительной стороной для рабочаго движенія будетъ то, что она поможетъ похоронить оба этихъ мелкобуржуазныхъ извращенія соціализма.

Борьба наша противъ анархизма и синдикализма должна быть не менѣе рѣзка, чѣмъ борьба противъ оппортунизма. Пропагандистская задача нашихъ дней заключается не въ томъ, чтобы искать „зерно истины“ и „здоровое ядро“ въ синдикализмѣ. Задача заключается въ томъ, чтобы показать, какъ оффиціальный синдикализмъ пришелъ къ такой-же измѣнѣ рабочему дѣлу, къ такому-же переходу на службу къ буржуазіи, какъ оппортунизмъ. Болѣе того. Вина синдикализма и анархизма еще больше. Послѣдовательный оппортунизмъ, по крайней мѣрѣ, остался вѣренъ себѣ. Многіе изъ оппортунистовъ задолго до войны говорили то-же самое, что они говорятъ теперь. А синдикалисты и анархисты раскололи рабочее движеніе во Франціи, въ Италіи—во имя якобы непримиримой борьбы противъ буржуазіи, противъ милитаризма, противъ войнъ—для того, чтобы теперь на дѣлѣ поступить такъ-же измѣннически, какъ худшіе изъ оппортунистовъ. Анархисты и синдикалисты сдѣлали все человѣчески возможное въ области революціонной фразы и тѣмъ только еще больше скомпрометтировали въ глазахъ рабочихъ революціонные лозунги, революціонные призывы.

Противъ оппортунизма и противъ анархизма!

И противъ „марксистовъ центра“ — въ первую очередь! «Центръ» все время помогалъ во 2-мъ Интернаціоналѣ оппортунизму. Центръ помогаетъ теперь соціалъ-шовинизму. Какую реакціонную роль играетъ каутскіанство, теперь особенно наглядно показалъ „лонгэтизмъ“, это каутскіанское теченіе на франц. почвѣ, на дѣлѣ помогающее шовинистамъ худшаго вида.

Назадъ къ Марксу!

И во имя этого — третій Интернаціоналъ!

Г. Зиновьевъ.

Библиотека Отдѣла Рукописей и Редкой Книги

[illegible]ЪЪ [illegible]

ПО[illegible]ОВ[illegible] ОБ[illegible]ЧИНЕНІЙ.

Томъ I. Разска[illegible] 1 р. [illegible] Грачанск.
Томъ II. Хозяи[illegible] [illegible] [illegible]хожане . 2 р. — к.
Томъ III. Страна о[illegible] [illegible] Томъ [illegible] 2 р. — к.
Томъ IV. Въ [illegible] [illegible] Томъ [illegible] въ глухомъ [illegible] . . . 2 р. — к.
Томъ V. Золо[illegible] сонъ 2 р. — к.
Томъ VI. Надъ [illegible]емой 2 р. — к. Томъ XIII. Люди . . . 2 р. — к.
Томъ VII. Дьяконъ и смерть . . 2 р. — к. Томъ XIV. Призракъ 2 р. 25 к.
Томъ VIII. Н[illegible]умѣніе 2 р. — к. Томъ XV. Борьба . 2 р. — к.
Томъ IX. Мгла . . 2 р. — к. Томъ XVI. Разсказы . . 3 р. — к.
Томъ XVII. Разсказы . 3 р. — к.

Байронъ. Манфредъ.— Небо и земля.—Каинъ. Въ пер. И. А. Бунина 2 р. — к.
Адамъ Мицкевичъ. Конрадъ Валленродъ. Пер. М. Славинскаго . . . 1 р. — к.
В. Муйжель. Опустошеніе 2 р. 50 к.
В. Муйжель. Въ царствѣ мертвыхъ . . . . . 2 р. — к.
В. Муйжель. Передъ лицомъ смерти . . . 2 р. — к.
В. Муйжель. Хут. № 16. 2 р. 40 к.
И. М. Осиповичъ. Старая исторія . . . . . 3 р. — к.
Адамъ Бѣльскій. Разск. 2 р. — к.
Адамъ Бѣльскій. Плѣнная мысль. . . . . 2 р. — к.
Демьянъ Бѣдный. Диво-дивное и др. сказки. — р. 25 к.
Демьянъ Бѣдный. Басни. — р. 60 к.
В. В. Брусянинъ. Въ рабочихъ кварталахъ . 2 р. — к.
В. Г. Брусянинъ. Часъ смертный . . . . 2 р. 25 к.
В. В. Брусянинъ. Темный ликъ . . . . . 3 р. — к.
В. В. Брусянинъ. Въ странѣ озеръ . . . . 2 р. 25 к.
В. В. Брусянинъ. Трагедія Михайлов. замка Ч. III 2 р. 50 к.
Лозина-Лозинскій. Одиночество . . . . . 3 р. — к.
Сельма Лагерлефъ. Легенда о Христѣ . . . 2 р. — к.
С. Т. Семеновъ. Въ міру. 2 р. — к.

А. Грушецкій. Саранча Т. I и II по . . . . 2 р. — к.
А. Грушецкій. Обреченные . . . . . 2 р. — к.
А. Грушецкій. Кроты . 3 р. — к.
Влад. Бончъ.-Бруевичъ Знаменіе времени . . 3 р. — к.
Влад. Бончъ-Бруевичъ. Избранныя произведенія русской поэзіи . 3 р. — к.
А. А. Богдановъ. Т. I. Подъ ласковымъ солн. 2 р. 50 к.
А. А. Богдановъ. Т. II. Волжская кипень . 3 р. — к.
А. А. Богдановъ. Т. III. Бездомные . . . . . 3 р. — к.
Т. Кончевскій. Серебристыя вершины . . . . 1 р. — к.
И. С. Абрамовъ. Въ культурномъ скиту . . . . 1 — к.
Вл. Кранихфельдъ. Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины . . . . . 1 — к.
С. Карасневичъ. Кипарисный царь . . . . 2 р. 25 к.
Д. Айзманъ. Вѣрность 2 р. — к.
Д. Айзманъ. Дѣти . . 2 р. — к.
Д. Айзманъ. Бѣлая пустошь . . . . . 3 р. — к.
О. Рунова. Лунный свѣтъ 2 р. — к.
О. Рунова. Мудрость жизни 2 р. 50 к.
О. Рунова. Въ старыхъ усадьбахъ . . . . . 3 р. — к.
О. Рунова. Какъ это было 3 р. — к.
О. Рунова. Летящія тѣни. 1 р. — к.